

Эпиктет

В чем наше благо?

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

В чем наше благо?

Книга первая

І. К другу, вернувшемуся к развратной жизни

Ты говоришь, что ты перестал стараться о своем улучшении, что ты зажил опять по-прежнему и не видишь, чтобы тебе стало хуже от этого? Неправда, тебе стало гораздо хуже, и ты потерял очень много. Прежде желания твои были чистые, понятия честные и поступки добрые. Ты читал мудрые книги и радовался на таких людей, как Сократ и Диоген. Теперь же ты радуешься на своих приятелей, которые сводят тебя с распутными женщинами; ты читаешь развратные книжки, и разговоры и дела твои постыдны. Ты потерял самое главное: ты перестал любить добро и правду. Неужели ты думаешь, что потери бывают только вещественные? Нет, есть потери худшие – потери духовные.

Теряются и чистые помыслы, и хорошие желания, и доброе поведение; и людям, потерявшим все это, всегда бывает скверно. Ты не видишь этого теперь, потому что ты заблудился; но было время, когда ты боялся одного только – как бы не перестать правильно мыслить, говорить и поступать. Ты сам себя обокрал.

Опомнись, несчастный друг мой, и спаси себя от самого себя. Ведь ты помог бы мне, если бы со мной случилось какое-нибудь несчастье? Почему же ты не поможешь самому себе? Ведь для этого тебе не нужно никого ни вязать, ни бить, ни убивать – тебе надо только одуматься, поговорить с самим собою. Себя ты будешь слушать охотнее, чем других; прислушайся же к голосу своей совести и своего разума. Разбери хорошенько самого себя: всмотришься в свою жизнь и без всякой потачки смело осуди в ней то, что кажется скверным. Не говори, что в тебе сил нет, не поступай, как малодушные пловцы, которые не борются против течения реки и позволяют унести себя в море. Помни, что управлять рассудком очень легко: стоит только пожелать жить лучше – и рассудок исправится. Если же ты будешь, продолжать жить так, как теперь зажил, то вовсе потеряешь рассудок и станешь хуже животного.

Какая тебе будет выгода от добродетельной жизни? – спрашиваешь ты. Да разве не большая выгода: порядок вместо беспорядка, честность вместо бесчестия, воздержание вместо распутства, почитание своей души вместо презрения ее!

Опомнись же и спаси свою душу!

II. Обращение к малодушному другу

Напрасно, друг мой, ты падаешь духом и сомневаешься в Боге.

Когда мы видим какое-нибудь творение людское, то мы понимаем, что работу эту делал человек. Точно так же и весь мир, очевидно, имеет своего Создателя. Начало всех начал, причину всех причин. Отца мира вещественного и духовного мы называем Богом.

Человек, который понимает то, что делается вокруг него в Божьем мире, если только он способен к благодарности, будет постоянно благодарить Бога за все благодеяния видимого мира, которыми люди окружены. Только неразумный человек не понимает блага всего того, что находится вокруг него, и не благодарит Бога, столь благо и премудро устроившего мир.

И в самом деле, куда мы ни посмотрим, все, что видим вокруг себя и в нас самих, все заставляет нас преклониться пред всемогущим Богом. Как премудро, например, устроено человеческое тело мужчины и женщины, от взаимного влечения которых происходит потомство! Воистину никогда не перестанешь удивляться на устройство жизни всех тварей – и людей, и животных, и растений. Но человеку, кроме той жизни, которая дана растениям и животным, дано еще другое, чего нет ни у растений, ни у животных.

Люди и животные устроены разное, потому что у них и назначение разное. Домашние животные служат человеку: одни помогают ему обрабатывать землю, другие доставляют ему молоко, остальные служат ему, каждый как может и как назначено Богом. Но животные исполняют свое назначение, справляют свои

нужды и при этом вовсе не понимают того, что делается на свете. Человеку же дана способность вникать в окружающее, понимать, что для чего делается, и видеть Бога в Его творениях.

Человек, как и животные, должен заботиться и о нуждах своего тела, но главное всего он должен делать и все то, что назначено одному только человеку и что отличает его от животного. И потому человеку постыдно довольствоваться одною своею животною жизнью и забывать о человеческой разумной и духовной жизни. Человек должен поступать так, как указывают ему совесть и разум его. Старайся же, друг, чтобы ты не умер прежде, чем исполнишь свое назначение.

Мне, как человеку, дано знать, кто я такой, для чего я родился и на что нужен мне разум мой. Оказывается, что я получил самые лучшие духовные способности: разумение, мужество, смирение. А с ними – какое мне дело до того, что может со мною случиться? Кто сможет рассердить или смутить меня? Ничего не может быть в тягость мне, и я ни о чем внешнем не стану ни сожалеть, ни сокрушаться. Напротив того, что бы со мною ни случилось, я приложу к делу то, что дано душе моей.

Пойми это и ты, всмотришься хорошенько в свои силы и способности и скажи в душе своей: «Пошли мне, Господи, все, что Ты хочешь! Ты дал мне такие пособия, с которыми я могу справиться со всякими случайностями».

А ты вместо этого постоянно боишься, как бы не случилось с тобою того или другого, жалуешься и плачешь, когда с тобою случается то, чего тебе не хочется, и укоряешь судьбу. Судьба же так устроила тебя, что ты можешь уразуметь смысл жизни, и если захочешь терпеть и любить, то никто не в силах помешать тебе в этом. И что же оказывается? Ты получил такие высокие и могущественные душевные способности, и, несмотря на это, ты не прикладываешь их в жизни своей. Ты теряешь время, плачешь, стонешь и либо вовсе не думаешь о Боге, либо упрекаешь Его.

Знай же, что у тебя есть все нужное для того, чтобы жить разумно и добродетельно и быть выше животных.

III. Как бороться против порочных желаний?

Каждый знает, что всякая привычка от упражнения усиливается и укрепляется. Например, чтобы сделаться хорошим ходоком, надо часто и много ходить; чтобы сделаться хорошим бегуном, надо много бегать; чтобы выучиться хорошо читать, надо много читать и т. д. Наоборот, если перестанешь делать то, к чему привык, то и сама привычка понемногу пропадет. Если ты, например, пролежишь десять дней, не вставая, и потом станешь ходить, то увидишь, как слабы стали твои ноги.

Значит, если ты хочешь привыкнуть к какому-нибудь делу, то тебе нужно часто и много делать это дело; и наоборот, если ты желаешь отвыкнуть от чего-нибудь, то не делай этого.

То же самое бывает и со способностями нашей души: когда ты сердишься, то знай, что ты делаешь не одно это зло, но что вместе с тем ты усиливаешь в себе привычку к гневу – ты подкладываешь дрова в огонь. Когда ты поддался плотскому соблазну, то не думай, что ты провинился только в этом, и больше ничего: нет, ты в то же время усилил еще и привычку к похотливым поступкам. Всякий разумный человек скажет тебе, что наши душевные недуги, наши злые помыслы и желания так именно и усиливаются.

Если больной лихорадкой не совсем вылечился, то он легче вновь заболевает, чем человек, никогда не страдавший ею. То же бывает и с болезнями души: после них остаются раны, которые надо вылечить совсем. Иначе, если ударить опять по тому же месту, рана вновь откроется и еще пуще разболится.

А потому если ты не хочешь приучать себя к гневу, то всячески сдерживай свой гнев и не давай привычке нарастать. Побороть гнев всего легче в самом его начале – вот тогда-то останови себя. Считай те дни, в которые ты не сердился, и ты увидишь воочию, как улучшение твое подвигается. Через несколько времени ты скажешь себе: «Вот, прежде я сердился каждый день, а теперь сержусь только через день; если буду так же воздерживаться и впредь, то буду сердиться только через каждые три дня, потом через каждые пять дней и т. д». Если бы ты, наконец, мог прожить тридцать дней сряду, ни разу не сердясь, то благодари Бога.

Точно так же и всякая привычка может сначала ослабевать, а потом и вполне пропасть. Если ты сможешь сказать себе: «Вот уже целый день, как я не падал духом; вот уже два дня; затем вот уже два месяца, три месяца я зорко смотрел за собою, когда попадались случаи для огорчения»; если ты сможешь это сказать, то, значит, у тебя все идет, как следует.

Если я сегодня видел такую красавицу, какой еще ни разу не видал, и при этом не дал ходу своим похотливым помыслам, то я могу сказать себе: у тебя, Эпиктет, все обстоит благополучно.

Но каким путем приобретается такая сила в борьбе со своими помыслами?

Желай быть праведным перед своею собственною совестью – перед Богом. Если будешь стремиться к этому, то преодолеешь свои порочные помыслы.

В борьбе с соблазнительными мыслями бывает полезно искать общество людей более добродетельных, чем ты сам, или вспоминать и читать поучения мудрых людей, живших прежде тебя.

Когда у тебя в уме начинает заводиться какая-нибудь соблазнительная мысль, то вступай с ней в борьбу. Скажи ей: «Подожди немного, мысль! Дай мне разобрать, кто ты такая и к чему ты клонишь меня. Дай мне обсудить тебя».

Потом не давай ей хода дальше, а представь себе пояснее все то, что выйдет, если ты поддашься этой соблазнительной мысли. Если ты поддашься ей, то она завлечет тебя за собою, куда только ей захочется. Призови себе на подмогу какую-нибудь другую мысль, честную и добрую, и замени ею свой нечистый помысел.

Если ты приучишь себя к такой борьбе, то сам увидишь, каким силачом ты сделаешься.

Истинный борец – тот, кто борется со своими порочными помыслами. Борись, братец, и не давай себя завлекать в болото. Борьба эта святая и приближает тебя к Богу. От успешности ее зависит твоя свобода – зависит спокойствие и счастье твоей жизни. Вспоминай Бога, зови Его на помощь, как во время бури на море зовут Его мореплаватели. Буря, которую в нашей душе поднимают порочные помыслы, гораздо страшнее и губительнее всякой морской бури.

Помни всегда два времени; одно – настоящее время, в которое, уступив порочным помыслам, ты будешь наслаждаться похотью, и другое время, в которое, насытившись ею, ты будешь каяться и укорять себя. Прими также в соображение то удовольствие, которое будешь испытывать, если воздержишься. Помни и то, что трудно будет воздержаться, если однажды преступил меру. Но если ты будешь уступать своим порочным помыслам и уверять себя, что ты победишь завтра, а завтра скажешь то же самое, то ты этим доведешь себя до такой слабости и болезненности, что на будущее время перестанешь даже замечать свои ошибки; а если и заметишь, то у тебя всегда найдется готовое оправдание для всех твоих порочных поступков,

Тогда окажется правда в том, что говорил один мудрец: «Нерешительный человек всю свою жизнь плачется на свои несчастья».

IV. Нельзя одновременно жить и добродетельно и распутно

Если ты захотел бросить прежнюю твою распутную жизнь, чтобы освободиться от своих пороков и жить добродетельно, то не водись с прежними своими товарищами, которые продолжают жить развратно: они будут только мешать тебе в твоём добром желании. Если же они будут сердиться на тебя за то, что ты их покинул, то помни, что никакого воздержание не дается даром и что потому и тебе придется кое-чем поплатиться, если хочешь достигнуть своей цели.

Ты не можешь оставаться прежним человеком и вместе с тем поступать по-новому. Реши, чего ты больше хочешь – того ли, чтобы люди тебя любили и хвалили за то, что ты безобразничаешь вместе с ними, или того, чтобы жить по-новому, несмотря на всякие упреки, нарекания и насмешки, которые посыпятся на тебя за это?

Если хочешь начать новую жизнь, то не откладывай дела, не оглядывайся назад и не старайся сохранить доброе расположение прежних твоих развратных товарищей. Если станешь вилять в разные стороны, угождать и нашим и вашим, то и вперед недалеко уйдешь, и прежним друзьям не угодишь. Нельзя делать двух дел зараз: насколько успеешь в одном деле, настолько потеряешь в другом.

Если ты перестал пьянствовать, играть в карты и распутничать, то, конечно, тебя перестанут любить те люди, которые занимаются такими делами. Выбирай же одно из двух: либо стать человеком разумным и добродетельным, либо слышать, как люди говорят о тебе: «Ах, какой приятный и славный малый!»

Если ты решил, что для тебя лучше стать свободным от своих пороков, то и занимайся только этим освобождением себя, работай только для этого, отвернись от прошлого и не дотрагивайся до него. Если же это тебе не нравится, а нравится одобрение людей, то передайся весь на другую сторону: пьянствуй, блуди и всячески развратничай, будь тряпкой в чужих руках, делай все, что людям нравится, – и ты получишь их одобрение – то, чего искал. Да не забывай при этом корчить из себя шута: этим ты особенно угодишь своим друзьям.

Невозможно в одно и то же время быть господином и рабом. Если хочешь быть рабом, то и угождай людям всякими подлостями; если же хочешь стать господином, то надобно освобождать себя от пороков.

V. Добродетель не убыточна

Не говори, что ты в убытке, когда ты променял осла на коня, овцу на быка, деньги на доброе дело, пустые споры на разумное молчание, разгильдяйство на порядочность. В этих случаях ты получил больше, чем потерял.

Если ты этого не понимаешь, то не понимаешь и своего счастья и спокойствия. Кормчему легче погубить корабль, чем уберечь его в опасном месте. Чуть он повернул корабль не в ту сторону, чуть задумался о постороннем – и пропал корабль. Так и в твоей жизни: гляди в оба! Тебе приходится оберегать то, что важнее всего на свете. Наблюдай же с неотступным вниманием за своею умеренностью, честностью, мужеством, спокойствием, довольством – одним словом, за своею свободою. Если потеряешь ее, то взамен не получишь ничего столь же ценного.

Рассуждай сам с собою так: «Пусть другому достанется богатство, а мне – мудрость; другому – власть, а мне – умеренность. Не стану я хвалить то, что постыдно. Я хочу быть свободным, то есть другом Богу, хочу добровольно повиноваться Ему. А Бог не хочет, чтобы я прельщался ни плотью своею, ни богатством, ни могуществом, ни славой. Если бы Бог желал, чтобы люди этим были довольны, то Он устроил бы так, чтобы все это доставляло довольство и блаженство. Но от всего этого люди не блаженствуют, а страдают. Значит, Бог не в этом назначил нам благо. А потому я и не стану слушиваться Его велений.

Беречь я буду свою добродетель; всем же остальным, что дано мне, я буду дорожить настолько, насколько требует разум».

VI. Отчего люди тревожатся и беспокоятся?

Когда я вижу человека, который мучит себя какими-нибудь опасениями и беспокойствами, я спрашиваю себя:

«Что нужно этому несчастному человеку? Наверно, он хочет чего-нибудь такого, что не находится в его власти и чем он не может сам распорядиться, потому что когда то, чего я хочу, находится в моей власти, то я не могу беспокоиться об этом, а прямо делаю то, чего желаю».

Посмотрите, например, на человека, поющего или играющего на гуслях: пока он поет или играет сам для себя, без всяких слушателей, он не беспокоится и не

волнуется никакими опасениями или сомнениями. Но посмотрите на него тогда, когда он играет перед большой толпой народа: как он мучит себя, как он бледнеет и краснеет, как сильно бьется у него сердце! А почему? Потому что он хочет не только хорошо сыграть или спеть, но чтобы и люди похвалили его; а это, очевидно, зависит не от него, но от слушателей его. И вот он беспокоится о том, чем не может распорядиться сам, и мучит себя совершенно понапрасну. Он беспокоится не о том, что он плохо споет или сыграет, – нет, он хорошо знает свое дело; он беспокоится не о деле своем, но о похвале людской, то есть о том, что не в его власти.

Он мучит себя потому, что дорожит тем, что вовсе не дорого; он не знает еще дешевизны и гнилости похвал людских. Он знает хорошо свои гусли и умеет петь на разные голоса, но он не знает и никогда не думал о том, как ничтожна людская похвала и как мало она заслуживает внимания.

Такого человека я называю чужеземцем среди людей.

«Почему же так?» – спросите вы.

А потому, что чужеземец не знает порядков того народа, среди которого он поселился, и без руководителя может наделать себе бед, когда будет добиваться того, что не дозволяется в этой стране. Так и этот человек: он чужеземец среди людей, потому что не знает законов, данных людям Богом, – не знает, что́ во власти человека и что́ не в его власти. Ему хочется получить то, что не дано ему, и избежать того, от чего нельзя отказаться. Если бы он хотел только того, что ему предоставлено, то он ничем бы не смущался и не тревожился.

В самом деле, если бы он знал, в чем истинное зло, то он не боялся бы ни того, что не есть зло, ни того, что есть настоящее зло, так как он знал бы, что настоящее зло не приходит извне, но находится внутри человека и что, следовательно, человек всегда может от него освободиться.

Когда человек желает того, что ему не дано, и отвращается от того, чего он избежать не может, то у него желания не в порядке: он болен расстройством желаний точно так же, как люди бывают больны расстройством желудка или печени.

Таким расстройством желаний болен всякий человек, который тревожится о будущем или мучит себя разными беспокойствами и страхами о том, что от него не зависит.

VII. Кто живет разумно, тот свободен от мирских волнений и знает, в чем благо

Люди затрудняются, беспокоятся и волнуются только тогда, когда они заняты внешними делами, от них не зависящими. В этих случаях они тревожно спрашивают себя: что я стану делать? Что-то будет? Что из этого выйдет? Как бы не случилось того или другого? Так бывает с теми, кто постоянно заботится о том, что им не принадлежит. Наоборот, человек, занятый тем, что от него самого зависит, и полагающий свою жизнь в работе самосовершенствования, не

станет так тревожить себя. Если бы он и стал беспокоиться о том, удастся ли ему держаться истины и избегать лжи, то я сказал бы ему:

«Успокойся: то, что тревожит тебя, находится в твоих собственных руках. Гляди только зорко за своими мыслями и поступками и старайся всячески исправлять себя».

Если бы такой человек стал сомневаться, достигнет ли он лучшей доли и не попадет ли он в такую же суету, от которой он хочет уйти, – я прежде всего обнял бы его и поцеловал бы за то, что он отбросил от себя все, что других соблазняет и пугает, а заботится только о том, чтобы самому быть лучше; а потом бы сказал ему:

«Если ты хочешь всегда получать желаемое и никогда не подвергаться тому, чего избегаешь, то никогда не желай того, что не твое, и не избегай того, что не в твоей власти».

Куда тогда денутся все эти беспокойные вопросы о том, как бы не случилось того или другого? То, что случится, не в твоей воле, а жить по добру или по злу – в твоей воле. Никто не помешает тебе, что бы ни случилось с тобою, поступать всегда и во всем сообразно с правдой и добром. Так и не говори: «Что-то будет?» Все, что ни случится, ты обратишь себе в поучение и пользу.

«А если я умру в борьбе с несчастьями?»

Ну что же? В таком случае ты умрешь смертью честного человека, совершая то, что ты должен совершать. Нужно же тебе все равно умереть, и смерть должна же застать тебя за каким-нибудь делом. Я был бы доволен, если бы смерть застала меня за делом, достойным человека, за делом, добрым и полезным всем людям; или чтобы она застала меня в то время, когда я стараюсь исправлять себя. Тогда я мог бы поднять руки к Богу и сказать Ему:

«Господи! Ты знаешь сам, насколько я воспользовался тем, что Ты дал мне для понимания Твоих законов. Упрекал ли я Тебя? Возмущался ли против того, что со мной случилось? Уклонялся ли от исполнения своего долга? Благодарю Тебя за то, что я родился, – за все дары Твои! Я пользовался ими довольно: возьми их назад и распорядись ими, как Тебе угодно, – ведь они Твои!»

Может ли быть лучшая смерть? Чтобы дожить до такой смерти, тебе нужно многого лишиться, хотя, правда, этим самым ты многое приобретешь. Если же ты захочешь удержать то, что не твое, то ты непременно потеряешь и то, что твое.

Кто хочет иметь успех в мирских делах, тот не спит по целым ночам напролет, постоянно хлопочет и суетится, подделывается к сильным людям и вообще поступает как подлый человек. И в конце концов чего он всем этим добился? Он добился того, что его окружают некоторыми почестями, что его боятся и что он, сделавшись начальником, распоряжается какими-нибудь пустяками.

Неужели же ты не захочешь сколько-нибудь потрудиться для того, чтобы освободить себя от всех таких забот и спать спокойно, ничего не боясь и ничем не мучась? Знай же, что такое спокойствие души не достается даром. Нельзя заботиться зараз и о душе своей, и о мирских благах. Если хочешь мирских

благ – откажись от души; если хочешь уберечь свою душу – отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того ни другого.

Когда ты чем-нибудь мирским встревожен или расстроен, то вспомни, что тебе придется умереть; и тогда то, что тебе раньше казалось важным несчастьем и волновало тебя, станет в твоих глазах ничтожною неприятностью, о которой не стоит и беспокоиться.

VIII. Для разумного человека не должно быть затруднений во внешних делах

Разница между человеком разумным и неразумным состоит в том, что неразумный человек постоянно волнуется и жалеет о том, что от него не зависит, например о своем ребенке, отце, брате, о своих делах, о своем имуществе. Разумному же человеку если и случается беспокоиться и печалиться, то только о том, что зависит прямо от него, то есть о том, что касается до его собственных мыслей, желаний и поступков.

Человек уже много улучшил себя, если понял, что он должен обвинять только самого себя, когда не может справиться со всем тем, что с ним случается, то есть если понял, что все дело его – в том, как он сам поймет свои затруднения. Если он поймет их так, как следует, то они перестанут быть для него затруднениями.

Когда ребенок заглядится на что-нибудь, споткнется о камень, упадет и ушибет себя, то няня начинает иногда в угоду ребенку бить самый камень, и ребенок успокаивается. В богатых семьях бывает так, что когда слуги опаздывают подать детям обед, то старшие начинают бранить слуг за это, вместо того чтобы приучать детей к терпению.

Как часто и мы, взрослые, поступаем с собою так, как эти безрассудные няни и воспитатели. Если с нами случается какая-нибудь неприятность или мы попадаем в какое-нибудь затруднение, то как склонны мы бываем обвинять в этом других людей или судьбу свою, вместо того чтобы сообразить, что если внешнее, от нас не зависящее становится для нас неприятностью или затруднением, то, значит, в нас самих что-нибудь не в порядке.

IX. Разумный человек во всем может найти себе пользу

Разумный человек может во всем отыскать себе пользу. Нет такого случая, из которого он не мог бы извлечь для себя помощи в деле усовершенствования себя.

«Какую же пользу приносит мне тот, кто ругает меня?»

Ту пользу, что если я захочу, то могу, кротко перенося его брань, приучаться к терпению и спокойствию.

«У меня злой отец; какая мне от него польза?»

Он зол для самого себя; для тебя же он добр, потому что он опять-таки учит тебя терпению и кротости.

«Ну хорошо. А какую пользу приносит мне болезнь?»

Если я заболел, то у меня хороший случай показать на деле, что значит болезнь тела для жизни духа. Я буду покорен, терпелив, спокоен, я наряжусь в болезнь, и она будет для меня украшением.

«А смерть, неужели и она полезна?»

Я могу, умирая, стать духом своим выше смерти, показать и себе, и людям, что смерть не имеет надо мною никакой власти. Я могу, если придется, умереть за правду и этим содействовать тому, чтобы она укрепилась в людях.

Одним словом, человек разумный обладает как бы волшебной палочкой, которою он может обратить в золото все то, до чего ею дотронется.

Х. Роптать неразумно

Когда ты заметишь, что ты начинаешь в душе своей упрекать Бога, то разбери внимательно то, чем ты недоволен, и ты увидишь, что оно так и должно было быть и не могло быть иначе.

«Да неужели, например, справедливо, чтобы вот этот бесчестный человек имел больше денег, чем я?»

Вполне справедливо, потому что он и хлопотал из-за денег больше, чем ты. Он подделывался к людям, обманывал их, обирал несчастных, по целым ночам напролет неустанно трудился для того, чтобы нажиться. Чему же ты удивляешься? А ты посмотри, больше ли у него разума и совести, чем у тебя. И ты увидишь, что у тебя больше всего того, из-за чего ты хлопотал и старался. То, что ты бережно хранил – свою честь и совесть, – он продавал и получил за это ту награду, которую искал. Но ведь человека, который бесчестно приобрел богатство, мы не можем назвать счастливым, – мы, которые знаем, в чем истинное счастье. Мы знаем, что Бог справедлив и отдает то, что лучше, тому, кто лучше. Чистая совесть – не гораздо ли лучше богатства?

Всегда помни неизменный закон природы: кто к чему способнее, тот и имеет больше успеха как раз в том самом, в чем он способнее другого. Помни это, и тогда ты ни на что не будешь роптать.

«Ну а как же не роптать, когда моя жена скверно со мной поступает?»

И тут роптать нечего. Если кто спросит тебя об этом, ты скажи только, что жена твоя скверно с тобою поступает, и больше ничего.

«И отец мой ничего мне не дает».

И в этом ничего нет особенного, как только то, что отец твой ничего тебе не дает.

Говоря о таких вещах, никогда не говори, что в них есть зло, потому что это была бы ложь. Разумный человек никогда ни на что не станет роптать, потому что он хорошо понимает, что настоящее горе наше происходит не от того, что

случается с нами, а оттого, что мы неразумно думаем о случившемся. Отстраним же эти неразумные мысли, и прекратится то, что мы считали несчастьем.

Эпиктет

В чем наше благо?

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Книга вторая

I. Не полагай своего счастья в том, что не в твоей власти

Если люди делают зло – они делают зло сами себе; тебе же они не могут сделать зла. Ты же рожден не для того, чтобы творить зло и грешить вместе с людьми, но для того, чтобы помогать им в добрых делах и в этом находить свое счастье.

Знай и помни, что если человек несчастен, то он сам в этом виноват, потому что Бог создал всех людей для их счастья, а не для того, чтобы они были несчастны.

Из всего того, что Бог предоставляет нам в этой жизни, Он одну часть отдал в наше полное распоряжение: она составляет как бы нашу собственность; другая же часть находится вне нашей власти, так сказать, не принадлежит нам: все, что другие могут связать, насиловать, отнять у нас, не принадлежит нам; а все то, чему никто и ничто не может помешать или повредить, составляет нашу собственность. И Бог по своей благости дал нам в нашу собственность как раз то, что и есть настоящее благо. Значит, Бог не враг нам; Он поступил с нами как добрый отец: Он не дал нам только того, что не может дать нам блага.

«Так-то оно так; а вот мне пришлось расстаться с другом, и мы оба горевали об этом».

Зачем же друг твой считал своим то, что вовсе не его? Бог не дал тебя ему в вечную собственность. Когда он был с тобою, почему забывал он, что ты можешь умереть или уехать? Он наказан за свою глупость. А ты – зачем ты так легкомысленно думал, что ты должен всегда жить там, где тебе приятно живется, на том же месте, с теми же людьми, за теми же занятиями. И тебе Бог не обещал этого. Вот ты теперь и плачешь. Ты, оказывается, несчастнее уток и гусей, потому что они ежегодно улетают за моря и нисколько не жалеют о прежнем своем жилище.

«Да ведь они лишены ума!»

Так неужели ты думаешь, что неразумные птицы должны быть счастливее человека, у которого есть разум? Разве для того Бог наделил нас разумом, чтобы мы были несчастны и проводили свою жизнь в слезах?

Вникни в человеческую жизнь – и ты поймешь, что людям назначено то жить вместе, то разлучаться. Когда они вместе, они должны быть счастливы друг через друга, а когда им приходится разлучаться, то они не должны печалиться об этом. Напротив того, мы должны радоваться тому, что отличаемся от растений, которые корнями своими прикреплены к одному месту.

Нельзя быть счастливым, когда желаешь того, что невозможно; и наоборот, можно быть счастливым только в том случае, если желаешь возможного, потому что в таком случае всегда будешь иметь то, чего желаешь. Все дело в том, чтобы желать только того, что в нашей власти, того, что возможно.

Кто желает невозможного, тот раб и глупец, восстающий против своего хозяина – Бога. Хозяин наш желает, чтобы мы были счастливы; но для этого мы должны помнить, что все родившееся должно умереть и что люди должны разлучаться.

Не проходит людям даром ничего из того, что они делают против закона Бога. Всякий человек, который бунтует против закона Бога, будет рабом и несчастным: он будет горевать и завидовать, он будет слаб и изнежен.

«Как же жить?» – спрашиваешь ты.

Прежде всего и самое главное – не пристращайся ни к чему, больше того, сколько ты привыкаешь к чужой вещи, о которой знаешь, что она может быть отнята у тебя. Когда обнимаешь своего ребенка, брата, друга, то говори себе, что ты обнимаешь нечто такое, что должно умереть, что дано тебе только на время. Виноград спеет только осенью, и смешно желать, чтобы он рос и созревал и зимою, и весною, и летом. Желать, чтобы никто с тобою не расставался и не умирал, – это все равно что желать винограда зимою. Обнимай ребенка или друга и сам думай: «Ты завтра уедешь или умрешь, и мы не увидимся больше».

«Но ведь тяжело даже выговорить это!»

Но что же делать? Если разлука или смерть кажется тебе такою страшною, то ты должен во время жатвы горевать о том, что умирают колосья, а осенью плакать о том, что засохшие листья падают с деревьев. Разлука людей больше ничего, как небольшая перемена, а смерть – также перемена, только немного бóльшая. В мире нет уничтожения, а только превращение одной жизни в другую. И для нас наступает это превращение тогда, когда Богу угодно. Ведь и родились мы не тогда, когда хотели, а когда Бог велел.

И потому мудрый человек заботится только о том, чтобы исполнять волю Божью и размышлять в глубине своей души так:

«Если ты желаешь, Господи, чтобы я еще жил, то я буду жить так, как ты велишь, буду распоряжаться тою свободою, которую Ты дал мне во всем, что принадлежит мне. Но если я Тебе больше не нужен, то пусть будет по-Твоему! Я до сих пор жил на земле единственно для того, чтобы служить Тебе; если же

Ты пошлешь мне смерть, то я уйду от мира, повинуюсь Тебе, как служитель, понимающий приказания и запрещения своего хозяина. А пока я остаюсь на земле, я хочу быть тем, чем Ты хочешь, чтобы я стал».

Постоянно вникай в то, что с тобою случается. Если ты увидишь, что случилось с тобою то, что от тебя не зависело, то помни, что тебе до этого нет никакого дела. Если же ты все еще иногда мучаешься и горюешь о том, что от тебя не зависит, то посмотри на случившееся как на урок, заданный тебе самим Богом: пользуйся этим случаем, чтобы бороться с собою, и при помощи разума твоего укроти твое малодушное страдание.

Когда ты живешь в каком-нибудь месте, никогда не думай о том, как бы тебе жить в другом месте, где тебе прежде было приятнее или где тебе в будущем будет приятнее; но думай только о том, как бы тебе прожить разумно и по-человечески там, где ты находишься.

Тогда все твои удовольствия заменятся одним удовольствием – сознанием того, что ты живешь разумно и служишь Богу не словами только, но и делами. Бог поведет тебя сегодня в одно место, завтра пошлет в другое. Он покажет тебя людям, бедного, безвластного, больного, для того чтобы ты мог примером жизни своей обнаруживать людям ту истину, что искать блага следует не вне себя, а в самом себе. Не думай, что Бог ненавидит тебя, если посылает тебе бедность, болезни, презрение людей: хозяин не может ненавидеть слугу, который хорошо исполняет его волю. И не забывает тебя Бог: Он не забывает и самой малой твари. Он упражняет тебя и на тебе дает примеры другим людям. Неужели же ты не отдашь себя всего Его заповедям, а будешь беспокоиться о месте своего жительства и горевать о разлуке с друзьями?

Горестна не перемена места жительства или неизбежная разлука с друзьями, горестно то, что человек печалится о том, чего он избежать не может.

II. Где надо искать благо?

Нет такого крепкого и здорового тела, которое никогда не болело бы; нет таких богатств, которые не пропадали бы; нет такой высокой власти, под которую не подкапывались бы. Все это тленно и скоропреходяще, и человек, положивший жизнь свою во всем этом, всегда будет беспокоиться, бояться, огорчаться и страдать. Он никогда не достигнет того, чего желает, и впадет в то самое, чего хочет избежать.

Одна только душа человеческая безопаснее всякой неприступной крепости. Почему же мы всячески стараемся ослабить эту нашу единственную твердыню? Почему занимаемся такими вещами, которые не могут доставить нам душевной радости, а не заботимся о том, что одно только и может дать покой нашей душе? Мы все забываем, что если совесть наша чиста, то никто не может нам повредить, и что только от нашего неразумия и желания обладать внешними пустяками происходят всякие ссоры и вражды.

Многие говорят, что человеку должно искать свое благо и избегать для себя зла и что поэтому он должен считать своим врагом и противником всякого, кто

отнимает у него его благо и причиняет ему зло, хотя бы то был родной отец его, брат или сын.

Но так ли это? Искать свое благо и избегать зла в самом деле следует. Но неужели благо и зло для меня может заключаться в том, что зависит от других людей? Многие, правда, жалуются на то, что кто-нибудь другой лишает их блага и подвергает злу. Но если бы они были правы, то это значило бы, что человек сам по себе не может достичь своего блага. Благо, следовательно, недостижимо. Как же может называться благом то, чего нельзя достигнуть?

Нет, друзья! Единственное наше благо и зло – в нас самих, в нашей собственной душе. Для каждого из нас благо в том, чтобы жить разумно, а зло в том, чтобы не жить разумно. Если мы будем это твердо помнить, то ни с кем никогда не станем ссориться и враждовать, потому что глупо ссориться из-за того, что не касается до нашего блага, и с людьми заблуждающимися и, стало быть, несчастными.

Сократ понимал это. Злоба жены и неблагодарность сына не заставляли его плакаться на судьбу: жена вылиwała ему на голову помои и топтала ногами его пирог, а он говорил: «Это меня не касается. То, что мое, – мою душу – никто на свете не может отнять у меня. В этом бессильна и толпа людей против одного человека, и самый сильный против самого слабого. Этот дар дан Богом каждому человеку».

Так жили мудрые люди. А мы вот умеем только хорошо писать, читать да рассуждать об этом, а на самом деле не поступаем так. Про один древний народ говорили, что они – львы у себя дома, а в чужой стороне – лисицы. Про нас же можно сказать, что мы – львы на словах, а на деле – лисицы.

III. Что следует и чего не следует бояться?

Человек не должен ничего бояться, он должен быть бесстрашным, и вместе с тем он должен жить с опаской. Сначала кажется, что человек, живущий с опаской, не может быть бесстрашным; но так только кажется. На самом же деле это возможно, потому что бесстрашным надо быть в одних случаях, опасаться же должно в других.

Все зло кроется в наших неразумных понятиях и в наших преступных желаниях. И потому надо зорко и опасливо глядеть за тем, как образуются в нас наши понятия и желания. В этом важном деле никогда нельзя быть слишком строгим и осторожным.

Все же остальное есть дело не важное для нас, оно – внешнее дело, а не наше внутреннее. К тому же оно и не дано нам во власть. Поэтому и бояться его нечего.

Мы ясно поймем, что все внешнее не имеет для нас значения, только тогда, когда будем осторожно следить за нашими понятиями и желаниями. И таким образом, боязнь истинного зла даст нам бесстрашие перед разными выдуманными злами.

А между тем мы сплошь да рядом попадаемся в западню, как несмышленные звери, за которыми люди охотятся. Охотники вспугивают, например, оленя; олень хочет уйти от опасности и бежит в другую сторону, как раз туда, где расставлены сети, – и попадает. То же бывает и с нами.

Чего мы малодушно боимся? Того, что не в нашей власти. Когда бываем мы всего спокойнее и бесстрашнее? Когда дело зависит от нас самих. И выходит, что мы самоуверенно равнодушны к нашей собственной опрометчивости, к нашим ошибкам и страстям и все внимание и старание наше обращаем на то, чтобы достичь успеха в том, что от нас вовсе не зависит. И таким образом, то природное бесстрашие, с которым нам следовало бы относиться ко всему внешнему, мы обращаем на самих себя и становимся самодовольными и самоуверенными. И наоборот, ту природную осмотрительность, которая нам дана для осторожного обращения с нашими внутренними понятиями и желаниями, мы направляем на внешние обстоятельства, от нас вовсе не зависящие, и становимся боязливыми и малодушными.

Если бы мы были постоянно настороже по отношению к нашим понятиям и желаниям – мы избегли бы много зла; но когда мы всячески стараемся избежать того, что в чужой власти, тогда мы, как олени, попадаем в тенета – смущения, боязни и малодушия.

Страданий и смерти избежать нельзя, они – наш удел. И вот мы как раз их-то и боимся. Зло не в смерти и не в страданиях, а в малодушии пред ними.

Правду говорит Сократ, что мы, как дети, устроим себе какое-нибудь чучело, размалюем его пострашнее и сами же пугаемся его. Как дети боятся пугала, ими же самими устроенного, так и мы устроили себе пугало из страданий и смерти и боимся его.

В самом деле, подумаем: что такое смерть? Подойдем поближе к этому страшилищу, рассмотрим его со вниманием, и мы увидим, что это только размалеванное пугало. Ведь необходимо же душе моей когда-нибудь разьединиться с моим телом, как и не были они соединены до моего рождения? Ведь придется же мне умереть – не сегодня, так завтра? К чему же огорчаться, когда наступает смерть?

«Зачем так устроено?» – спрашиваешь ты.

А затем, что так нужно для мировой жизни. Эта жизнь основана на том, что прошлое сменилось настоящим и что настоящее в свою очередь сменится будущим.

А что такое страдание? Это то же детское пугало. Разбери хорошенько, в чем оно состоит. Тело наше так устроено, что оно испытывает то неприятные ощущения, то приятные. Неприятные называются страданиями. Но и неприятные и приятные ощущения окончатся с твоею смертью. Чего же бояться страданий, столь непродолжительных?

Вот к каким мыслям мы приходим, когда со вниманием разбираем наши понятия и желания. И эти мысли делают нас бесстрашными ко всему тому, что не есть главное в нашей жизни, – ко всему внешнему.

В таких мыслях и заключается высшая наука и жизнь.

IV. Разумный человек не станет огорчаться людской молвой и не будет завидовать людям

«Меня огорчает то, что люди думают обо мне неправильно».

Ведь не ты же в этом виноват, а они. Почему же это огорчает тебя?

«Да хочется им показать, что они ошибаются. Они жалеют меня, когда я поступаю хорошо; а когда я на самом деле виноват, то они меня одобряют. Они, например, сожалеют обо мне, что я не домогаюсь богатства и власти».

Показать всем людям, в чем они ошибаются, и убедить их в том, что разумно, – это не в твоей власти. Тебе дана власть убеждать только самого себя. Убедился ли ты сам в том, в чем хочешь убеждать других? Знаешь ли ты-то сам, в чем добро, в чем зло? Живешь ли ты сам, как следует? Ты знаешь, что можешь жить, как следует, только тогда, когда будешь свободным, когда откажешься от всего того, что не в твоей власти. А разве в твоей власти сделать так, чтобы люди не ошибались? Ты заботишься об этом, огорчаешься этим: значит, ты сам еще не твердо знаешь, в чем добро, в чем зло! Так не лучше ли тебе оставить в покое других людей и учить только самого себя? Сам ты знаешь себя больше всех и убедить себя можешь лучше, чем других. Другие сами увидят, полезно ли им ошибаться.

Если ты живешь хорошо, а люди об этом жалеют, что же тебе остается делать? Не станешь же ты жить скверно для того, чтобы люди перестали тебя жалеть?

Ты знаешь, как надо праведно жить, и все-таки жизнь твоя ничуть не лучше от этого. Отчего это?

Это оттого, что ты живешь не по твоим разумным мыслям, но оставляешь их втуне. Лопата, которою следует копать, непременно ржавеет, если она лежит без всякого употребления. И все твои разумные мысли ни к чему не поведут, если ты не будешь поступать по ним.

Тебе непременно следует освободиться от всякого страха и огорчения. А то ты боишься людской молвы, ты огорчаешься тем, что люди напрасно жалеют или осуждают тебя, вместо того чтобы хвалить и уважать. И что же выходит из твоего огорчения? Если ты горюешь об этом, то выходит, что ты и вправду достоин сожаления.

Антисфен учил, что человек должен быть хорошим и вместе с тем всегда готовым слышать про себя, что он дурен.

У меня голова не болит, а все думают, что она у меня болит. Что мне за дело до этого? Я совсем здоров, а меня жалеют, полагая, что я болен. Я только этому внутренне смеюсь.

И ты поступай так же.

«Но ведь на долю других достается богатств и почестей больше, чем мне!»

Ну что же? Ведь и справедливо, чтобы люди имели больше того, чего они добиваются. Они трудились, чтобы стать богатыми и достигнуть власти; а ты трудишься, чтобы правильно думать и хорошо жить. Они получили то, чего искали, а ты получишь то, чего ты добиваешься.

Они начальники, а ты нет; они богаты, а ты нет. Да ведь ты и не домогался того, чтобы быть начальником или богатым? Не бывает же так, что тот, кто не заботится о чем-нибудь, достигал бы больше того, кто заботится об этом. Ведь потерянную вещь находит тот, кто ищет, а не тот, кто вовсе о ней не заботится.

«Это, положим, так, но, по-моему, гораздо справедливее, чтобы тот, кто думает и живет праведно, был впереди всех».

Да он и так впереди в своем деле: в правильном мышлении, в праведной жизни. А те люди впереди тебя в своем деле: в богатстве и в почестях. Неужели ты полагаешь, что если ты хорошо думаешь и поступаешь, то поэтому можешь требовать, чтобы и стрелял ты лучше стрелков, и ковал железо лучше кузнеца, хотя бы ты этими делами и вовсе не занимался. Конечно, если ты будешь желать иметь и то, чего ты не добивался, то тебе непременно придется много плакать и страдать. Нельзя делать двух вещей зараз.

Тот вставал до зари и только о том и думал, как бы подольститься к дворцовой челяди, одарить кого следует, как бы понравиться другу Цезаря, как бы повредить одному человеку, чтобы выслужиться у другого. Когда он и молится, он думал только об этом. Он горюет, когда пропустил случай задобрить сильного человека; он боится, не поступил ли он нечаянно как честный человек, и тогда он сожалеет о том, что не соврал, а поступил честно.

А если ты вправду хочешь верно мыслить и хорошо жить, то ты, напротив, будешь искать свои ошибки и думать только о том, как бы исправить себя. Ты будешь помнить, что ничто от нас не зависящее не должно ни печалить, ни радовать нас: ни тело наше, ни богатство, ни слава. Ты будешь помнить, что у тебя есть совесть и разум, которые только и могут привести тебя к душевному спокойствию и счастью.

Нет, не подобает тебе обращать внимание на людскую молву о тебе и не приходится тебе завидовать людям. Они ведь не сердятся и не удивляются, когда ты их жалеешь: они уверены в том, что их доля лучше твоей. А ты, значит, не уверен в том, что твоя доля лучше их. Ты недоволен ею и желаешь того, что принадлежит им; они же довольны своей долей и не завидуют твоей.

Если ты в самом деле хочешь жить по совести и разуму, если ты вправду веришь, что в этом твое благо и что другие заблуждаются, то ты не будешь беспокоиться о том, что говорят про тебя другие люди.

V. О перенесении обид

Разумный человек не только сам никогда ни с кем не ссорится, но если может, то делает так, чтобы и другие не ссорились. В этом Сократ был хорошим примером для нас. Сколько ссор он помирил, сколько было у него терпения с женою и сыном! Он хорошо знал, что никто не может быть господином над

душой другого человека, что не в нашей власти принудить человека поступить разумно. Мы должны при случае и по мере сил стараться склонять людей жить разумно; но успех наших слов зависит не от нас, от нас только зависит самим правильно поступать, и это главное; а праведные дела наши уже сами будут учить людей добру.

У разумного человека не может быть ни одного случая для ссоры. Он всегда заранее готов получить еще большие неприятности, чем те, которые люди ему делают.

«Прохожий меня обругал», – говоришь ты.

Скажи ему спасибо за то, что он не побил тебя.

«Да он побил меня!»

Скажи спасибо, что не ранил.

«Он и ранил меня!»

Благодари за то, что не убил.

Мы сами виноваты в том, что люди злы. Если бы мы были добрее, то и злых людей было бы меньше.

«Сосед мой бросал камнями в мои окна».

Ну что же? Ведь не ты, а он в этом виноват.

«Да у меня в доме все поломано!»

Разве ты горшок? Ведь тебя разбить нельзя: в тебе совесть и разум. Поступи же разумно и по совести с твоим соседом. Если бы ты хотел поступить по-зверски, то бросился бы на него и стал бы кусать его в отместку. Но ты хочешь быть человеком – поступи же с твоим обидчиком человечно и кротко, а не мстительно и жестоко.

Лошадь спасается от врага своим быстрым бегом, и она несчастна не тогда, когда не может петь петухом, а тогда, когда потеряла то, что ей дано, – свой быстрый бег. Собака имеет чутье; когда она лишается того, что ей дано, – своего чутья, то она несчастна, а не тогда, когда она не может летать. Точно так же и человек становится несчастным не тогда, когда он не может осилить медведя, или льва, или злых людей, а тогда, когда он теряет то, что ему дано, – доброту и рассудительность. Вот такой человек воистину несчастный и достоин сожаления. Не то жалко, что человек родился и умер, что он лишился своих денег, дома, имени: все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность – свое человеческое достоинство. Если на монете печать настоящая, то, значит, монета годная; а если печать поддельная, то брось монету: она фальшивая. И с человеком то же самое. Если в нем есть человеческое достоинство, если он обходится с людьми кротко, терпеливо и ласково, то всякий охотно возьмет его в соседи, в товарищи, в друзья. Но человека, который только животное, человека, который гневается, мстит и всем недоволен, люди остерегаются и избегают.

Если человек имеет злые намерения, то он в эту минуту не человек и его надо жалеть. По наружному виду судить ни о чем нельзя. По наружному виду раскрашенное восковое яблоко похоже на настоящее; но оно не имеет ни вкуса, ни запаха, ни внутреннего состава настоящего яблока. Точно так же недостаточно иметь наружный облик человеческий, для того чтобы быть человеком, а надо иметь и разум, и волю человеческую. Вот этот, например, не слушается разума, не сознается в своих ошибках даже тогда, когда ему ясно показали их; ну чем же он в эту минуту отличается от осла? Ничем. А этот не может сдерживать своей страсти; ну чем он в эту минуту отличается от барана? Иной ищет, на кого накинуться, чтобы обидеть его, – это уже не осел и не баран, а прямо дикий зверь.

«Но неужели я должен позволить, чтобы меня презирали?»

Да кто тебя презирает? Люди справедливые не могут презирать тебя за твою кротость и доброту; а до других людей тебе дела нет – не обращай внимания на их суждения. Не станет же искусный столяр огорчаться тем, что человек, ничего не понимающий в столярном деле, не одобряет его хорошую работу.

«Но если я не стану обращать внимания на людей, то они еще больше разозлятся на меня и повредят мне!»

Как это ты говоришь: «повредят мне»? Разве может повредить кто-нибудь твоей душе? Так чем же ты смущаешься? Я смеюсь про себя над теми, которые думают, что они могут повредить мне: они не знают ни кто я, ни того, в чем я полагаю добро и зло; они не знают, что они не могут даже прикоснуться до того, что есть воистину мое и чем одним я живу.

VI. О том, что мы можем и чего не можем делать

Когда мы обучаемся грамоте, то мы учимся, как читать и писать. Но грамота не научит нас, нужно ли писать нашему другу письмо или не нужно. Точно так же и музыка учит нас петь или играть на балалайке, но она не научит нас, когда можно петь и своевременно ли играть на балалайке.

«Какая же наша способность указывает нам, что следует делать и чего не следует?»

Способность эта называется разумом. Один только разум указывает нам, что следует делать и чего не следует. Разумом человек судит обо всем. Человек понимает разумом, какое дело чего стоит, следует ли им заняться, когда следует и как следует.

Наделив нас разумом, Бог дал нам в распоряжение то, что нам нужнее всего и с чем мы можем справиться. Он не дал нам в распоряжение того, с чем мы справиться не в состоянии. И благодарение Богу, что Он так сделал!

В самом деле, мы живем на земле связанные с нашим немощным, слабым телом и окруженные такими же несовершенными людьми, как и мы сами. Разве при этом мы сумели бы справиться со всем тем, чего Бог нам не предоставил?

Создав меня таким, каков я есть, Бог как бы сказал мне так:

«Эпиктет! Я мог бы даровать гораздо больше твоему ничтожному телу и твоей маленькой судьбе. Но не упрекай Меня в том, что Я этого не сделал. Не забывай, что тело твое – не твое. Оно – не что иное, как горсточка земли, искусно выделанная.

Я хотел даровать тебе полную свободу делать все, что тебе вздумается, но Я вселил в тебя Божественную частицу себя самого. Я даровал тебе способность стремиться к добру и избегать зла; Я вселил в тебя свободное разумение. Если ты будешь прикладывать свой разум ко всему тому, что случается с тобою, то ничто в мире не будет служить тебе препятствием или стеснением на том пути, который Я тебе назначил; ты никогда не будешь плакаться ни на свою судьбу, ни на людей; не станешь осуждать их или подделываться к ним. Не считай, что этого мало для тебя. Неужели мало для тебя того, что ты можешь прожить всю свою жизнь разумно, спокойно и радостно? Так довольствуйся же этим!»

А между тем, вместо того чтобы разумом освещать и направлять свою жизнь, мы наваливаем на себя множество посторонних забот. Один заботится о здоровье своего тела и дрожит при одной только мысли заболеть; другой мучает себя заботами о своем богатстве; третий волнуется об участи своих детей, о делах своего брата, об усердии своего раба. Мы добровольно взваливаем на себя все эти ненужные нам заботы, и они ложатся тяжелым камнем на нашу шею.

Ведь это совершенно все равно как если бы человек захотел на парусном корабле переплыть через море. Он усаживается на берегу моря и ожидает попутного ветра. Проходит день за днем, а ветер дует все не тот, который ему нужен.

«Господи!.. – восклицает он в отчаянии. – Когда же наконец подует попутный для меня ветер?»

Когда ему заблагорассудится, милый друг, потому что Бог не тебя назначил распорядителем погоды.

«Что же мне делать в таком случае?»

Подчиниться тому, что не от тебя зависит, и улучшать в себе то, что зависит только от тебя. Разумно только об этом заботиться, а все остальное принимай так, как оно происходит. Ведь все остальное происходит не так, как ты хочешь, а как то Богу угодно.

«О чем же я должен думать, чтобы жить так, как ты говоришь?»

Ни о чем ином, как только о том, что зависит от тебя и что от тебя не зависит, что ты можешь исполнить и чего не можешь. Например, тебе необходимо умереть, но необходимо ли тебе об этом плакать? Тебя насильно тащат в тюрьму; ты не можешь этого избежать, но ты можешь не сокрушаться об этом. Тебя ссылают в изгнание; никто не может тебе помешать уехать в спокойном духе и с легким сердцем.

«Расскажи мне о всех тайнах твоего друга», – скажет мне мой враг.

Нет, я тебе не скажу этого, – отвечу я, – так как в моей власти сохранить тайну моего друга.

«Но я тебя закую в кандалы и отправлю на каторгу, если ты не откроешь мне его тайны!»

Что это ты говоришь? Не меня ты закуешь в кандалы; ты закуешь мои ноги, мои руки, а меня, мою душу, мою волю, мой разум, ты не можешь заковать, потому что никто, кроме меня, не в силах распорядиться ими.

«Я тебе голову отсеку!»

Да разве я когда-нибудь говорил тебе, что мою голову труднее отсечь, чем голову всякого другого человека? Вот в каких мыслях тебе следует ежедневно упражняться! Кто разобрал и понял, что именно он может сделать и чего не может, тому не помешают никогда никакие препятствия и случайности, потому что он будет желать только того, что достижимо, и избегать того, чего достигнуть не может.

«Вы меня приговорили к смерти! – скажет такой человек. – Если вы хотите отрубить мне голову сейчас же, так пойдете – я готов. Если же вы казните меня часа через два-три, так я пока пообедаю, потому что я проголодался; а потом, в свое время, я и умру».

«И ты спокойно пойдешь на казнь?» – спросят его.

«Совершенно спокойно! – ответит он. – Как подобает человеку, отдающему то, что ему не принадлежит».

Книга третья

I. Должно неустанно наблюдать за собою

Если ты перестанешь наблюдать за собою хотя бы на одну только минуту, то помни, что этой минуты ты никогда не воротишь. Сначала мы легко привыкаем не следить за собою, а потом все откладываем исправление этой своей ошибки, и этим самым мы со дня на день отдаляем от себя возможность жить добродетельно и счастливо. Если мы думаем, что полезно откладывать исправление себя, то, значит, лучше всего и вовсе от этого отказаться. Если же исправление себя полезно, то незачем и откладывать его ни на один день.

«Но сегодня мне хочется поиграть и попеть».

Ну что же! Это несколько не мешает тебе в то же время и наблюдать за собою. Ничто не может испортиться от внимания или сделаться лучше от невнимания. Без внимания ни плотник не исполнит успешно своей работы, ни кормчий не справится с кораблем. Если ты раз сделаешь что-нибудь без внимания, то потом тебе труднее станет управлять собою и ты легко поддашься всяким соблазнам.

«На что же должен я, наблюдая за собою, обращать особенное внимание?»

Прежде всего ты должен постоянно помнить главные Божеские истины. Держи их всегда в уме своем: и утром, вставая, вечером, ложась спать, и днем, сядя за еду и общаясь с людьми. Помни, что никто не может быть господином над

разумом и волею твоими и что в разуме и воле человека находится добро и зло для него. Значит, нет человека, который мог бы мне сделать добро или зло, – это могу сделать только я сам, и потому мне нечего бояться ни притеснителя, ни болезни, ни бедности, ни каких-либо помех.

«Ты не нравишься, – говорят мне, – вот этому высокопоставленному человеку».

А мне что за дело до этого? – отвечаю я. – Разум и воля мои не в его распоряжении.

«Но ведь он может наделать тебе много зла!»

Он может причинить зло только тем, кто считает его сильнее себя, и только для них он страшен. У меня же есть свой хозяин, которому одному я повинуюсь. Бог – хозяин мой, и мне нет дела до других хозяев, потому что сам Бог приставил ко мне в начальники меня самого и сделал так, что я могу разуметь Его волю и хочу следовать Его законам.

Руководствуясь данными мне Богом разумом и совестью, я должен постоянно наблюдать за собою и стараться поступать, как следует, во всех случаях своей жизни. Я должен знать, когда подобает мне работать, когда можно отдохнуть, когда радоваться мне или печалиться. Я должен чувствовать, что кстати и что некстати; что своевременно, что нет; когда и над чем позволительно пошутить и посмеяться и в каких случаях это было бы неуместно. Для того чтобы исполнить все это, необходимо постоянно зорко наблюдать за собою и никогда ничего не делать зря, спустя рукава.

«Да разве можно быть непогрешимым человеком?»

Конечно нельзя. Но можно стараться быть непогрешимым. Это вполне доступно человеку. И велика бывает его радость, когда, благодаря неослабному наблюдению над собою, он избегает какого-нибудь дурного дела или уберегается от ошибки, в которую чуть было не впал.

Итак, безумно говорить, что я буду завтра внимателен к себе. Это все равно что сказать: «Сегодня я хочу быть негодным мерзавцем». Если наблюдать за собою полезно завтра, то оно столько же и еще более нужно и полезно сегодня. И потому наблюдай за собою как можно внимательнее сегодня, для того чтобы завтра не оплошать.

II. Не суди других и не будь самоуверен

По тем мыслям, которые человек высказывает, нельзя судить о том, как он поступил бы с нами на деле. Также и наоборот: по делам человека очень трудно судить о том, ради чего он так поступает, какие у него в голове мысли, а в душе побуждения?

Если я вижу, что человек без устали хлопочет, читает, пишет, или работает с утра до ночи, или даже просиживает за своей работою целые ночи напролет, то я еще не скажу, что человек этот любит трудиться или трудится ради пользы людей, если я не знаю, зачем он все это делает. Ведь никто не скажет про человека который по целым ночам кутит с распутными женщинами, что он

полезен или что он любит трудиться. И не только скверные, но как будто и прекрасные дела часто делаются ради скверных целей, например из-за денег или ради славы; и нельзя сказать про человека, поступающего так, что он трудолюбив и полезен, как бы неумоимо он ни работал и какие бы громкие дела ни совершал. Я скажу про человека, что он любит труд и полезен людям только тогда, когда узнаю, что он трудится для души своей – для Бога и людей.

Но чужая душа – потемки, как же я узнаю внутренние побуждения человека, известные только ему самому?

И выходит, что человек не может судить человека, то есть осуждать или оправдывать его, ни хвалить, ни порицать.

Разве можно сказать, что человек плотник или музыкант, если видишь у него в руках топор или гусли? Точно так же нельзя назвать человека мудрым, если он говорит мудрые речи.

Мудрым можно назвать человека только тогда, когда он не только разумно рассуждает, но и на деле старается поступать согласно тому, что он говорит. Мы хорошо умеем распознать ремесленника, но часто путаемся в том, кто мудрый человек, так как склонны судить об этом по его речам или по наружному виду.

Не называй мудрым такого человека, который говорит, что он мудр, точно так же как ты не назовешь кузнецом всякого, кто купит себе наковальню.

Если желаешь стать праведником, то сначала убедись в том, что ты скверен.

Истинно мудрый человек всегда скромен и никогда не старается прослыть мудрецом. Часто люди, поняв кое-что из слов мудрого человека, воображают и себя мудрецами. Они делают с мудростью то же самое, что делает сластолюбец с вкусным кушаньем: поняв какую-нибудь истину, они сейчас же хотят получить удовольствие и похвалу и для этого начинают с жаром рассуждать и спорить со всякими встречными, даже с теми, которые не хотят и слушать их. Но ты, если хочешь быть участником в истинной мудрости, будь мудрецом про себя.

Так и рожь вырастает. Зерно запахано под землю на время. Там оно укореняется для того, чтобы потом хорошо взойти и дать богатый плод. Если стебелек выйдет из земли раньше времени, то колос не вызреет и не даст плода.

Дай же и ты корням мудрости укрепиться в тебе. В свое время вырастут и плоды ее; мудрый человек не может их не дать, и по плодам его узнается и мудрость его.

III. Как поступает настоящий человек?

У всякого человека есть разум; и если человек живет согласно разуму, то он будет избегать только того, что противно разуму. Если рассмотреть повнимательнее жизнь человека, то мы ясно увидим, что ни от чего он так не страдает, как от того, что неразумно, и что всего более ему привлекательно то, что согласно с разумом.

Но не все люди бывают согласны между собою, что считать разумным и что – неразумным: один называет разумным то, что другой считает неразумным. Это бывает и со всеми людскими суждениями: один так думает, другой – иначе. Неодинаково, например, люди думают и о добре, и о зле. И потому для людей важно всякое учение, которое им помогает верно судить о том, что поистине добро, что зло, что согласно с разумом, что противно ему.

Но помимо учения, для того чтобы решить, разумен ли или не разумен какой-нибудь поступок, полезно бывает сообразить, подобает ли этот поступок настоящему человеку? Один человек бывает готов, не краснея, совершить самый низкий поступок, для того чтобы подольститься к тому, от кого он желает получить какую-нибудь милость; а другой ни за что этого не сделает. Который же поступает по-настоящему – так, как подобает настоящему человеку?

Кто-то мне раз сказал:

«Помоги мне твоим советом. Я нахожусь в зависимости от одного богатого и властного человека. Если я не стану ему подольщаться, он меня высечет и не станет кормить. Как мне поступить в этом случае?»

Всякому человеку, – ответил я, – лучше не быть битым и получить пищу, чем быть битым и не получить пищу.

«Но ведь он требует от меня того, что унижительно для меня».

А это уже твое дело. Если ты хочешь себя продавать, то ты один можешь решить, во сколько ты себя ценишь. Разные люди продают себя разное. Я тебе отвечаю так потому, что если ты действительно не хочешь себя продавать, то не станешь спрашивать моего совета, а сам по себе не сделаешь ничего такого, что недостойно настоящего человека.

«Но что же подобает делать настоящему человеку?»

А на это, брат, ответить можешь только ты сам. Спрошу и я у тебя: как узнает бык, что он один так силен, что может защитить свое стадо от хищного зверя? И почему он бросается навстречу врагу, а не убегает прочь? Ведь ясно, что он хорошо знает свою силу и понимает, что должно делать настоящему быку. Точно так же и с нами. Кто из нас захочет жить разумно и по совести, тот сам поймет и почувствует, что подобает настоящему человеку, и сумеет, конечно не сразу, а постепенно, стать таким человеком. Вот об этом-то и нужно стараться и хлопотать, а не тратить попусту своих сил на то, что неразумно и не нужно.

IV. О том, что такое истинная свобода

Только про того человека можно сказать, что он свободен, который живет так, как он хочет. Разумный человек всегда живет так, как он хочет, и никто на свете не может ему в этом помешать, потому что он только того и желает, что возможно получить. И потому разумный человек свободен.

Никто не желает быть виноватым, никто не хочет жить в заблуждениях, несправедно, никто не выбирает себе нарочно такой жизни, от которой он будет

печалиться и мучиться, никто не скажет, что ему хочется жить скверно и развратно. Значит, все люди, живущие несправедливой жизнью, живут так не по своему желанию, а против воли. Они не хотят ни печали, ни страха а между тем постоянно страдают и боятся. Они делают то, чего не хотят. Стало быть, они не свободны.

Скажи это какому-нибудь вельможе или сенатору, он согласится с тобою и ничего тебе не сделает, если ты ему при этом скажешь:

«Конечно, ты человек мудрый, и до тебя эти слова не касаются».

Но если ты скажешь ему всю правду, скажешь ему, что и он не свободен, что и он такой же развращенный раб, как и прочие рабы, то он, конечно, побьет тебя.

«Как! – скажет он. – Я – раб? У меня отец и мать были не крепостные, да и меня никто не покупал! Я ведь сенатор и близкий Цезарю человек; я сам имею целую толпу рабов!»

Во-первых, милый мой сенатор, очень может быть, что и отец и мать твои были такими же рабами, как и ты; может быть, и предки твои все до единого были такими же рабами. Но если бы даже все они были святыми людьми, то ведь ты-то сам через это не сделаешься святым? Что из того, что они были добры, жалостливы, ничего не боялись, были господами над своими похотями, если ты сам и зол, и безжалостен, и трус, и не умеешь совладать с собою?

«Ну даже если бы я и был таким, почему же ты говоришь, что я – раб?»

А как ты думаешь: разве не раб тот, кто действует не по своей воле, а по принуждению?

«Такой человек, конечно, раб. Но меня никто ни к чему не может принудить, кроме Цезаря, нашего владыки!»

Вот сейчас уже ты сказал, что у тебя есть владыка; стало быть, он тебя может принудить.

«Да ведь Цезарь наш общий хозяин, не только мой!»

Оставим Цезаря в покое. Один ли он у тебя хозяин? Не рабствуешь ли ты еще и другим хозяевам? Отвечай мне вот на что: имел ли ты когда-нибудь любовницу, все равно – свободную или рабыню?

«Если и имел, то это вовсе не касается того, о чем мы говорим».

А вот посмотрим. Скажи-ка мне, разве твоя любовница не заставляла тебя делать то, чего тебе не хотелось? Вспомни-ка, не тратил ли ты на нее больше, чем хотел? Не ссорился ли из-за нее со своими родными и знакомыми? Не угождал ли ей всячески, а может быть, и льстил ей, и целовал у нее ноги? Ты счел бы себя последним рабом, если бы тебя могли заставить поцеловать ноги хотя бы даже у Цезаря. А такое прислужничество своей любовнице – разве не рабство? Что же после этого назовешь ты рабством? Ты, я вижу, краснеешь; тебе, верно, совестно вспоминать об этом. Ну, поговорим о другом.

Каждый человек знает, когда можно назвать животное свободным. Есть люди, которые держат у себя прирученных львов. Они держат их взаперти, кормят и

водят их повсюду за собою. Никто не скажет, что такой лев свободен; напротив, всякий скажет, что чем слаще его жизнь, тем больше он раб. Ни один человек не захочет быть на месте такого льва; да и всякое пойманное животное чего-чего не перетерпит, чтобы только вырваться на свободу. Некоторые животные даже морят себя голодом, чтобы избавиться от неволи. Нужно много труда и хлопот, чтобы удержать их в рабстве, взаперти; и если они не убегают, то все-таки погибают. А как только найдут они малейшую лазейку, сейчас и убегут или улетят. Вот как любят животные свою свободу, как нужно им, чтобы они не были ничем связаны, ни стеснены. Если бы ты мог спросить у них: «Разве вам здесь плохо?» – они ответили бы тебе: «Опомнись, что ты говоришь? Мы созданы так, чтобы жить свободно на вольном воздухе, летать куда хотим, петь когда хотим. Все это отняли у нас, а ты еще удивляешься, отчего нам здесь плохо!»

И с людьми бывает то же. Вот почему я назову свободным только такого человека, который поступает по своей совести, не боясь никаких напастей и мук, ни даже самой смерти.

Мудрец Диоген говорил: «Только тот истинно свободен, кто всегда готов умереть». Он писал персидскому царю: «Ты не можешь сделать истинно свободных людей рабами, как не можешь поработить рыбу. Если ты и возьмешь их в плен, они не будут рабствовать тебе. А если они умрут в плену у тебя, то какая тебе прибыль от того, что ты забрал их в плен?»

Вот это речи человека свободного: такой человек знает, в чем состоит истинная свобода.

Посмотри на то, как хочет жить раб. Прежде всего он хочет, чтобы его отпустили на волю. Он думает, что без этого он не может быть ни свободным, ни счастливым. Он говорит так:

«Если бы меня отпустили на волю, я сейчас же был бы вполне счастлив: я не был бы принужден угождать и прислуживаться моему хозяину, я мог бы говорить с кем угодно как с равным себе, я мог бы идти куда хочу, не спрашиваясь ни у кого».

А как только отпустят его на волю, он сейчас же разыскивает, к кому бы подольститься, чтобы пообедать, потому что хозяин его больше не кормит. Для этого он готов идти на всякие мерзости. А лишь только он нашел себе квартиру и продовольствие, так он попал опять в рабство, причем более тяжкое, чем прежде.

Если такой человек начнет богатеть, то он сейчас заводит себе любовницу, какую-нибудь распутную женщину. И вот он начинает страдать и плакать. Когда ему приходится особенно трудно, он вспоминает о прежнем своем рабстве и говорит:

«А ведь мне недурно было у моего хозяина! Не я о себе заботился, а меня одевали, обували, кормили; и когда я болен бывал, заботились обо мне. Да и служба была нетрудная. А теперь сколько бед! Был у меня один хозяин, а теперь

сколько их стало у меня! Скольким людям должен я угодить, чтобы разбогатеть!»

Но раб не образумится. Он хочет разбогатеть, и для этого он терпит всякие невзгоды. А когда получит то, чего хотел, то опять оказывается, что он оплел себя разными неприятными заботами.

Все-таки он не берется за разум. Он думает: «Вот если бы я стал великим полководцем, все мои несчастья кончились бы: меня стали бы носить на руках!»

И он отправляется в поход. Он терпит всякие лишения, страдает, как каторжный, и все-таки просится в поход во второй и третий раз.

Наконец он достиг высшего, чего хотел, и его сделали сенатором. А на самом деле чем он сделался? Он все тот же раб, но раб, ходящий на заседания сената. Цепи его стали красивые, цепи блестящие, а все-таки это цепи, лишаящие его свободы.

Если он хочет избавиться от всех своих бед и несчастий, пусть он опомнится. Пусть он узнает, в чем истинное благо жизни. Пусть он на каждом шагу своей жизни поступает согласно законам правды и добра, начертанным в его душе, и он обретет истинную свободу.

Люди только потому и несчастны, что не живут согласно с этими законами правды и добра.

Часто люди не понимают этого и думают, что они несчастны по другим причинам.

«Я несчастен, – говорит один, – потому что я болен».

Неправда, ты несчастен потому, что не переносишь терпеливо своей болезни.

«Я несчастен, потому что я беден», – говорит другой.

«А я – оттого, что у меня злые родители».

«А я – оттого, что Цезарь не благоволит ко мне».

Так говорят люди. Но все это неправда – они несчастны только потому, что живут не так, как велит им разум.

«Кто же свободен?» – спросишь ты.

Ищи и найдешь. Если же ты хочешь воспользоваться тем, что раньше тебя нашли люди, искавшие истину, то послушай, что они говорят.

Они говорят, что для человека самое большое благо есть его свобода.

Если свобода есть благо, то человек свободный не может быть несчастным. Значит, если ты видишь, что человек несчастен, страдает, ноет, – знай, что это человек не свободный: он непременно кем-нибудь или чем-нибудь поработен.

Если свобода есть благо, то свободный человек не может быть и подлецом. И потому, если ты увидишь, что человек унижается перед другими, льстит им, – знай, что человек этот также не свободен. Он раб, который добивается или обеда, или выгодной должности, или еще чего-нибудь. Кто добивается малых

благ, тот немножко раболепствует; кто добивается великих благ, тот много раболепствует.

Свободный человек распоряжается только тем, чем можно распоряжаться беспрепятственно. А распоряжаться вполне беспрепятственно можно только самим собою. И потому если ты увидишь, что человек хочет распоряжаться не самим собою, а другими, то знай, что он не свободен: он сделался рабом своего желания властвовать над людьми.

Как бы ни был человек знатен и силен, но если он признает кого-нибудь своим господином, то он раб, хотя бы он и сам держал при себе целую толпу рабов.

Если хочешь узнать, свободен ли человек или нет, то взглядишь в него хорошенько и прежде всего узнай, чего он хочет. И если он хочет чего-нибудь такого, чего он получить не может, — он тоже раб.

Если мы позволим себе желать того, что не вполне в нашей власти, то нашим хозяином будет всякий, кто может дать нам или отнять у нас желаемое нами. И их, таких хозяев, будет у нас очень много, потому что мы захотим много таких вещей, которые зависят от других людей. Через это люди эти сделаются нашими господами. Мы любим богатство, почести, доходные места, и потому те люди, которые могут доставить нам все это, делаются нашими господами. Мы боимся тюрьмы, ссылки, смерти, и потому те люди, которые могут причинить нам все это, также делаются нашими господами.

Чтобы правильно и хорошо сделать какое-нибудь дело, нужно уметь сделать его. Это понимает всякий. Так же точно для того, чтобы правильно и хорошо жить, нужно уметь и хотеть жить свободно. А для того чтобы выучиться свободно жить, нужно прежде всего хорошенько подумать об этом и разобраться в том, что такое свободная жизнь. Давайте-ка попробуем сделать это.

Прежде всего будем помнить, что нельзя быть свободным тому человеку, который хочет чего-нибудь, что зависит не от него самого, а от других.

Всмотрись повнимательнее в твою жизнь и разбери, все ли в ней вполне зависит от тебя одного, или же только кое-что находится в твоей власти, а остальное зависит не от тебя?

Когда, например, ты хочешь, чтобы тело твое было здорово и невредимо или чтобы оно было красиво, то ведь исполнение этих желаний не зависит же от тебя. Точно так же ты не волен в жизни или смерти твоего тела. Значит, тело твое подвластно не тебе, а чему-то другому, что сильнее его.

Разбери еще, от тебя ли зависит приобрести хороший, плодородный участок земли, если у тебя не на что купить его? Ведь нет же. Ты также, не имея на это средств, не в состоянии получить, когда вздумается, новую одежду, дома, рабов, лошадей. Не от тебя зависит, чтобы твои дети, жена, братья, друзья были живы и здоровы или чтобы они были согласны с тобою.

Все это не в твоей власти. Но неужели нет у тебя ничего такого, в чем ты самостоятельный и полновластный хозяин, ничего такого, чего никто у тебя отнять не может?

Вникни в самую суть твоей жизни и скажи мне, может ли, например, кто-нибудь на свете заставить тебя верить в то, что ты считаешь ложью?

«Нет, никто этого не может сделать».

Стало быть, в деле верования никто не может подвергнуться извне ни помехам, ни принуждениям. Скажи мне еще, может ли кто-нибудь принудить тебя захотеть сделать то, чего ты решился не делать?

«Конечно может, если он станет стращать меня тюрьмою или смертью».

Ну а если бы ты не боялся ни тюрьмы, ни самой смерти?

«Тогда другое дело».

А не в твоей ли власти презирать тюрьму и смерть?

«В моей».

Ну вот, стало быть, в нашей власти находятся еще наши желания и нежелания.

«Пожалуй, это так. А вот, например, я хочу идти гулять, а другой останавливает меня и не пускает».

Да ведь он что останавливает? Не останавливает же он твоего желания гулять?

«Все равно – он останавливает мое тело».

Нет, это не все равно. Желания твои в твоей власти, и никто, кроме тебя, не может их изменить. Тело же твое подвластно не только людям, но и всяким случайностям: какой-нибудь камень, например, может упасть тебе на голову и убить твое тело.

«Это, положим, верно; но все ж таки мне помешали гулять».

Я тебе и не говорил, что в твоей власти гулять без всякой помехи. Я сказал тебе, что в твоей власти самое желание гулять или не гулять. Только воля твоя свободна. Как только тебе понадобится помощь твоего тела, то это уже вовсе не в твоей власти. Я давно тебе это сказал. Итак, ты согласен, что никто не может принудить тебя пожелать того, чего ты не желаешь?

«Согласен».

Могут ли тебя заставить сделать то, чего не хочешь?

«Нет, но могут помешать тому, что я хочу сделать».

Если ты будешь желать только того, что в твоей власти, то как же могут помешать тебе в этом? А я тебе не говорил, что у тебя не будет помех в том, что от тебя не зависит.

«Неужели же я не должен желать даже, например, здоровья?»

Желать во что бы то ни стало здоровья так же неразумно, как вообще желать всего того, что не от нас зависит. Что от меня не зависит, этого я не могу по своей воле ни приобрести, ни удержать; а потому оно и не принадлежит мне. Я должен побороть в себе всякую зависимость от того, что мне не принадлежит. Иначе я сам на себя надеваю оковы. Я подставляю свою голову под тяжелое

ярмо, если привяжусь душою к тому, что не от меня зависит, а от судьбы и что должно неминуемо погибнуть.

«Ну а вот эта рука, разве она не моя?»

Это часть твоего тела. А все тело твое – пыль и прах, и находится оно во власти всякого, кто сильнее его. Смотри на тело свое как на вьючного осленка, обязанного служить тебе, сколько ему назначено. Захотят сильнейшие отобрать от тебя твоего осленка, придут воины и наложат руки на него – отдай его без сопротивления и без жалоб. Станешь противиться – только побьют тебя и все ж таки отнимут осленка. Если так нужно смотреть на наше тело, то пойми же, как ничтожно все то, что приобретается ради тела. Тело наше – вьючный осленок, а все, что нужно телу, не что иное, как корм, ясли и сбруя этого осленка. Тело – пустое дело для разумного человека. А то, что приобретается ради тела, и подавно пустяки. Освободись же из-под власти этих пустяков поскорее и с легким сердцем.

Когда ты выучишься и привыкнешь отличать то, что твое, от того, что не твое; то, чего можно достигнуть, от того, чего нельзя достигнуть; когда поймешь, что для тебя важно только твое, а остальное – пустяки; когда будешь желать только того, что от тебя зависит, – тогда ничего не будет страшным для тебя. Никто не будет властен над тем, что твое собственное, а в нем только и заключается добро и зло. Никто не сможет отнять у тебя твое, никто тебе ни в чем не помешает. Как невозможно препятствовать делу Божьему, так точно невозможно будет остановить тебя в твоих добрых побуждениях.

Значит, есть возможность жить без всяких огорчений и волнений. Люди огорчаются только тогда, когда случается то, чего они боялись. Ты же ничего не бойся, никому не завидуй, живи спокойно, желай только того, что в твоей воле, что честно и что у тебя под рукой. А то, что тебе выпадает на долю по воле других, принимай как дар добрых людей и пользуйся им настолько, насколько необходимо для поддержания жизни, но не привязывайся к этому так сильно, как животные.

Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получать от других людей, то люди не могут быть страшны для тебя, как пчеле не страшна другая пчела, как лошади не страшна другая лошадь. Но если твое счастье находится во власти других людей, то ты непременно будешь бояться людей.

С этого и надо начать: надо отрешиться от всего того, что нам не принадлежит, отрешиться настолько, чтобы оно не было нашим хозяином, отрешиться от привязанности к своему телу и ко всему, что нужно для него; отрешиться от любви к богатству, к славе, должностям, почестям. Надо сказать себе, что все это не есть наша собственность.

Тогда не понадобится нам уничтожать людское насилие насилием. Вот – тюрьма, какой вред мне от того, что она стоит? Зачем мне нападать на людей, производящих насилие, и убивать их? Их тюрьмы, цепи, оружие не поработят моего духа. Тело мое могут взять; но дух мой свободен, и ему никто ни в чем не может помешать, и потому живу я так, как я хочу.

А как я дошел до этого? Я подчинил свою волю воле Бога. И я этого хочу. Хочет Он, чтобы я делал это, а не то? И я этого хочу. Хочет Он, чтобы со мною что-нибудь случилось? И я этого хочу. Не хочет Он – и я не хочу.

Когда на большой дороге грабят разбойники, то путешественник не выезжает один; он выжидает, не поедет ли кто-нибудь со стражей, присоединяется к нему и едет в безопасности.

Так же поступает в своей жизни и разумный человек. Он говорит себе: «В жизни много всяких бед. Где найти защиту, как уберечься от всего этого? Какого дорожного товарища поджидать, чтобы проехать в безопасности? За кем ехать следом, за тем ли или за другим? За богачом ли, за влиятельным ли человеком? Не будет мне защиты ни от кого из них, потому что и их грабят, и убивают, и они плачут, и у них есть бедствия. Да и может случиться, что тот самый, по следам которого я пойду, сам нападет на меня и ограбит».

Куда же тогда убежишь ты от него? Разве в пустыню? Да и там ты легко можешь сделаться жертвой зверя или лихорадки.

«Неужели же мне нельзя найти себе верного и сильного дорожного товарища, который никогда не нападет на меня, а всегда будет мне защитой? За кем же мне идти следом?»

И разумный человек ответит, что безопаснее всего идти за Богом.

«А что значит – идти следом за Богом?»

Это значит: желать того, что Он хочет, и не желать того, чего Он не хочет.

«А как достигнуть этого?»

Вникая в промысел Божий и изучая Его законы, начертанные в твоей душе.

Что дал мне Бог такого, что в моем полном распоряжении и над чем я полный хозяин? И что, наоборот, сохранил Он в своем распоряжении?

Он дал мне разум и волю, которые зависят только от меня одного. Для них нет ни помехи, ни принуждений. Ну а тело мое? Оно неподвластно мне. Оно есть часть окружающей меня плотской жизни и, как все остальное плотское, подчинено общим мировым законам. Так зачем же бороться с Богом из-за этих законов? Зачем желать того, что не повинуется моему желанию, а повинуется одному Богу? Зачем стараться удержать за собою навсегда то, что мне достается временно. Тем, что мне дано, я должен быть доволен в том виде и в том размере, в каких оно мне дано.

«А когда Бог отнимает от меня то, что я получил?»

Ну что же? К чему противиться этому? Безумно было бы с моей стороны бороться с тем, кто сильнее меня. И, кроме того, своим недовольством и противлением я нарушаю свой долг. Когда я родился, у меня ничего не было – я все получил от отца своего, а он – от других людей, а они – от Бога. Бог же создал и солнце, и землю, и плоды на ней и поместил на этой земле людей для совместной, мирной и любовной жизни.

Опомнись! Ты получил от Бога все, и ты обвиняешь Его, когда Он что-нибудь у тебя отнимает! Да кто ты такой? Зачем живешь ты на земле? Не Бог ли привел тебя сюда? Не Он ли наделил тебя и разумом, и телом? Не Он ли окружил тебя всеми благами, которыми ты пользуешься?

А в каком виде создал тебя Бог? Ты создан существом смертным, ты должен жить в теле столько времени, сколько тебе назначено. Ты, живя, видишь и чувствуешь, как Бог управляет миром. Ты как будто пришел на празднество, устроенное Богом. Неужели же ты, наевшись и наглядевшись, сколько тебе было дозволено, на праздник и на всех гостей, – неужели ты, когда хозяин станет уводить тебя, будешь ругать его за то, что он позволил тебе побывать на празднике? Напротив, ты будешь ему только благодарен.

«А я бы хотел еще побыть на празднике!»

В этом и беда твоя! Идет, положим, какое-нибудь непрерывающее празднество; люди смотрят и слушают. Празднество им нравится, и они не хотят уходить, не хотят уступать своего места другим гостям, а все не умещаются. Если ты человек благодарный, то ты должен в свое время безропотно удалиться: ведь и другим гостям хочется побывать на твоём месте. Чего тебе еще нужно? Почему тебе так сильно хочется, чтобы на земле было тесно?

«Мне все-таки жалко, что моя жена и дети помрут!»

Разве они твои, а не Того, Кто их создал? Неужели ты не хочешь уступить твоему хозяину того, что принадлежит не тебе, а Ему?

«А зачем Он дал мне жизнь на таких условиях?»

Какой ты неблагодарный! Перестань жаловаться и обвинять Бога и судьбу. Вспомни, сколько ты получил средств для защиты себя от несчастий; ты получил и доброе сердце, и светлый разум, и силу быть свободным.

«Зачем же Бог окружил меня еще столькими заманчивыми вещами?»

Затем, чтобы ты ими пользовался.

«Да ведь надолго ли?»

На сколько угодно Тому, Кто дал их тебе.

«Но они мне необходимы».

Не считай их необходимыми. Не пристращайся к ним – и они перестанут быть необходимыми для тебя.

Вот так-то ты должен смотреть на все плотское. Начни с самых пустячных вещей, например с твоей глиняной посуды; потом перейди к твоей одежде, собаке, лошади, к твоему полю; потом к самому себе, к телу своему. Освобождай себя от чрезмерной привязанности ко всему тому, что не принадлежит тебе, для того чтобы не пришлось тебе страдать, когда у тебя этого не будет.

Упражняйся в этом ежедневно; но не думай, что ты от этого стал мудрецом; это была бы похвальба. А ты говори только, что занят собственным освобождением, ибо в этом самом и лежит путь к истинной свободе.

«Ну а вот этот человек может заковать меня в цепи, может содрать с меня кожу!»

Ему же хуже – он получит за это наказание, потому что нельзя сделать ни одной несправедливости безнаказанно.

«Ну что ты говоришь? Когда, например, хозяин заковывает и бьет своего раба, ему не полагается никакого наказания».

Это только так тебе кажется. А на самом деле наказание в том и заключается, что он, человек, другого такого же человека, как и он, брата своего, заковал в цепи. Ты сейчас сам признаешь это. Всякому дереву плохо, если его заставят расти не так, как ему назначено. То же самое и со всяким животным. А как назначено жить человеку? Кто скажет, что человеку назначено кусаться, брыкаться, бросаться на других, сажать людей в тюрьмы и рубить им головы? Ведь не дикий же зверь человек! Всякий скажет, напротив, что человеку подобает желать людям всего лучшего, делать им добро, помогать им. Значит, человек, делающий неправду и зло, не исполняет того, что ему назначено, и потому самому ему плохо. Когда Сократа осудили на смерть, зло было не для Сократа, а для его судей и убийц.

«Это что-то непонятно!»

Да ведь когда петухи дерутся, то считают победителем того петуха, который взял верх над другими, хотя бы он сам был весь изранен. А из двух людей – кто победитель: тот ли, который мучит и убивает другого, или тот, кто терпеливо и не сердясь переносит свои мучения и смерть? Кто из них взял верх? Почему ты правильно судишь о петухе-победителе, а о человеке-победителе не умеешь рассудить? Разве человек добрый и честный не выше человека злого и бесчестного? Настоящее зло для человека бывает тогда, когда он делается волком, змеей, трутнем. Такое положение для человека самое постыдное и жалкое.

Напомним же себе еще раз, в чем мы с тобой согласны.

Человеком свободным будет тот, для которого нет никаких препятствий, который всегда найдет под рукой все, что ему нужно. Рабом будет тот человек, которому можно помешать в его делах, которого можно принудить сделать что-нибудь противное его воле.

Нельзя мешать только такому человеку, который не желает ничего, ему не принадлежащего, не находящегося в его власти. Не надо пристращаться ни к чему такому, что не в нашей власти, иначе мы подвергнем себя большим страданиям.

Когда ты сможешь сказать по правде и от всего сердца:

«Господи, Боже мой! Веди меня туда, куда Ты хочешь», – тогда только ты избавишься от рабства и сделаешься истинно свободным.

Меня часто спрашивают:

«А сам-то ты, Эпиктет, считаешь ли себя свободным?»

Видит Бог, что я хочу быть свободным и всеми силами стараюсь быть таким. Но, конечно, я не достиг еще полной свободы. Я слишком еще дорожу своей плотью. Мне слишком еще хочется, чтобы тело мое было невредимо, несмотря на то что оно уже давно повреждено. Но если вам нужны примеры людей, на самом деле свободных, то знайте, что такие люди бывают и, значит, свобода возможна для человека.

Вспомните, например, Диогена. Он был свободен не потому, что родился от свободных родителей (они были несвободны), а потому, что освободил себя от привязанности ко всему, что ведет человека к рабству. Не за что было прицепиться к нему, чтобы сделать его рабом. От всего он мог отказаться, потому что был как бы привязан ко всему лишь самой тонкою нитью. Он говорил: «Я свободен, потому что мне ничего не надо. Тело свое я считаю не своим. Для меня закон Бога – все, а остальное для меня ничего не значит».

И Сократ также был свободным человеком. Он не боялся смерти и слушался внутреннего голоса своей совести даже и тогда, когда его за это преследовали и грозили ему смертью. Когда друзья предлагали ему убежать из тюрьмы, то он не захотел обманом спасти свою жизнь и сумел, когда нужно было, своей собственной смертью доказать людям все то хорошее, чему он при жизни их учил.

Вспоминай почаще таких людей. Их слова и пример их жизни помогут тебе самому достигать свободы. Но помни, что если ты на самом деле хочешь сделаться истинно свободным, то ты должен всегда быть готовым отдать Богу то, что ты от Него получил. Ты должен быть готов не только к смерти, но и к самым мучительным страданиям и пыткам. Как часто бывало, что целые города и народы отдавали свою жизнь не за истинную, а за ложную, мирскую свободу; сколько людей убивали себя, желая освободить себя от тягостной им жизни. Если даже ложное благо достигается такими жертвами, то что же удивительного в том, что истинная свобода достается не без хлопот и телесных страданий. А если ты не хочешь заплатить такую цену за твою свободу, то ты на всю жизнь останешься рабом между рабами, хотя бы у тебя и были всевозможные мирские почести.

Все то, чем люди так восхищаются, все, ради приобретения чего они так волнуются и хлопочут, все это не приносит им ни малейшего счастья. Покуда люди хлопочут, они думают, что благо их в том, чего они домогаются. Но лишь только они получают желаемое, они опять начинают волноваться, сокрушаться и завидовать тому, чего у них еще нет. И это очень понятно, потому что не удовлетворением своих праздных желаний достигается свобода, но, наоборот, избавлением себя от таких желаний.

Если хочешь увериться в том, что это правда, то приложи к освобождению себя от своих пустых желаний хоть наполовину столько же труда, сколько ты до сих пор тратил на их исполнение, и ты сам скоро увидишь, что таким способом получишь гораздо больше покоя и счастья.

Покинь общество людей богатых и влиятельных; перестань угождать людям знатным и сильным и воображать, что от них ты можешь получить что-либо

нужное тебе. Ищи, наоборот, у людей праведных и разумных то, что можешь ты от них получить, и, уверяю тебя, не с пустыми руками уйдешь ты от них, если только придешь к ним с чистым сердцем и добрыми мыслями. Если ты не веришь мне на слово, то хоть на время попробуй сблизиться с такими людьми, постарайся сделать хоть несколько шагов на пути к истинной свободе. А тогда уже сам решай, куда тебя больше тянет – к благу и свободе или к злу и рабству. В таком опыте ведь нет ничего постыдного. Испытай же себя!..

Книга четвертая

I. Для чего надо читать книги?

Мешает нам жить спокойно не только наше пристрастие к богатству и власти, но и всякое другое пристрастие, например пристрастие к досугу, к путешествиям, к чтению книг – одним словом, ко всему, что вне нас, что не нужно нам, из-за чего мы попадаем под чужую власть.

Неразумные люди думают иногда, что они несчастны, если им приходится много писать или читать или, наоборот, если им бывает некогда писать или читать.

Если ты недоволен твоим писанием или чтением, то зачем тебе оно?

«Нет, я доволен; и потому самому мне досадно, что мешают моему удовольствию».

Какое же это довольство, если ему могут помешать? Для довольства нужно, прежде всего, чтобы ему ничто не могло мешать.

Мне надо стараться служить другим, а не себе; мне надо быть всегда готовым оказать людям ту помощь, которую они от меня просят, если я могу по совести оказать ее. Когда я буду постоянно работать для других, то не стану жалеть о том, что не успел прочесть или написать какой-нибудь книги, точно так же как, будучи голоден, я не жалею, что ем, а не читаю или пишу. Только тот, кто хочет похвастать перед людьми своими знаниями или умом, станет читать или писать книги в то время, как ближний просит его делом помочь ему.

Чтение книжки не есть дело, а приготовление к делу. Когда представляется случай делом помочь человеку, то следует не задумываясь отложить чтение даже самой хорошей и полезной книги. Ведь такие книги только для того и пишутся, чтобы готовить читателя к добрым и полезным делам. Значит, когда мне приходится показать на деле то, к чему я готовился, то я не могу уже отговариваться тем, что мне будто бы нужно все еще готовить себя к делу чтением или писанием книжки.

Мы никогда не стали бы досадовать на то, что нам мешают читать, если бы всегда читали книги для того, чтобы выучиться лучше жить. Для этого только и стоит читать книги. Мы должны читать книжку, например, о нашей воле только для того, чтобы выучиться управлять ею; книжку о наших желаниях – для того, чтобы достигать желаемого и желать только того, что следует; книжку о наших

обязанностях — для того, чтобы никогда не отступать от них. Если бы мы читали книги для этого только, то не сердились бы на то, что наше чтение прерывается, но, наоборот, радовались бы, что приходится на деле поступить так, как учат хорошие книги.

Ты так зачитываешься полезными книжками, что жалеешь, когда люди отрывают тебя от этого занятия. Ты смеешься над человеком суетным, который веселится праздными забавами, и думаешь, что читать полезную книгу никогда не суетно. Посмейся лучше над собою, потому что читать полезную книгу так, только для одного себя, как ты ее читаешь, также праздно и суетно: страдания и недовольство у обоих вас будут одинаковы. И ты ведь не сможешь сказать: «Да будет так, как угодно Богу», а будешь говорить:

«О, какой я несчастный! Мне хотелось заняться чтением прекрасной и полезнейшей книги; и вот, вместо того, изволь исполнять просьбы этого докучливого человека!»

А разве, — отвечу я тебе, — твоя обязанность в том и состоит, чтобы читать книги в то время, когда от тебя просят помощи? Тебе надо знать и помнить одно: что́ хочет Бог, чтобы ты сделал теперь, и чего Он не хочет. Недавно Он устроил так, чтобы ты был в одиночестве, чтобы ты беседовал сам с собою, читал, писал, подготавливался к добрым делам. А сегодня Он послал к тебе людей, которые просят тебя помочь им делом. Этим самым Бог как бы говорит:

«Выходи из своего одиночества и покажи на деле то, чему ты выучился, потому что пришло время и тебе, и людям увидеть пользу того, о чем ты читал и думал».

Не ударь же лицом в грязь; не сетуй на людей за то, что они прервали твоё занятие: ведь если б не было людей, то кому бы ты служил и к чему было бы читать книжки о том, как лучше служить людям?

II. Не торопись поучать людей

Есть люди, которые едва только послушают мудрых поучений, как уже сами начинают поучать других. Они делают то же самое, что и больной желудок, который тотчас извергает принятую пищу. Не подражай таким людям. Сначала хорошенько перевари в себе то, что ты услышал, а не извергай прежде времени, иначе выйдет настоящая блевотина, которая не может служить никому пищей.

Перевари учение и на делах покажи нам свою мудрость, как показывает нам свое искусство тот, кто научился какому-нибудь ремеслу. Ведь такой человек не станет говорить: «Послушайте, как я думаю о своем ремесле», он просто возьмется за свое дело, сделает его и тем покажет нам, что он на самом деле знает свое ремесло.

И ты поступай так же: живи, как следует разумному человеку; ешь, пей и одевайся благоразумно; женись, нарожай детей, работай, исполняй все свои обязанности правильно и разумно; терпеливо переноси обиды, не сердись на ближнего, виноватого перед тобою, будь он тебе брат, отец, сын, сосед, товарищ, знакомый или незнакомый человек. Покажи нам, как ты на деле

исполняешь все это, и тогда мы признаем, что ты и вправду чему-нибудь да выучился у мудрецов.

Учить мудрости не такое дело, за которое можно было бы браться с легким сердцем или очертя голову. Для этого нужно быть многоопытным, нужна праведная жизнь, а главное, нужно, чтобы сам Бог послал тебя на это дело. Обличать людей, обнаруживать их заблуждения и наставлять их на истинный путь – дело очень, очень трудное, и браться за такое дело можно только тогда, когда сам живешь праведнее других людей и, кроме того, сознаешь в себе несомненное призвание учить людей.

Прежде чем учить людей, обдумай поостроже свою собственную жизнь, познай самого себя и не принимайся за дело учительства без явного для тебя указания Божьего. Если ты внутренне несомненно сознаешь, что не для собственной потехи хочешь ты учить людей, но что сам Бог призывает тебя к учительству, то пойдешь по этому пути. Но впредь знай, что так как ты будешь указывать людям на добро и правду, то, вероятно, будешь избит: кто живет праведнее других и этому учит людей, того большею частью преследуют и гонят люди. Однако при этом помни, что ты должен жалеть тех, кто тебя бьет, потому что, как учитель истины, ты – отец и брат всех людей.

III. О том, как относиться к заблуждающимся

Если ты так счастлив, что всегда говоришь только то, что есть на самом деле, отвергаешь то, что ложно, сомневаешься только в том, что сомнительно, желаешь только добра и пользы, то ты не будешь негодовать на злых и безрассудных людей.

«Да ведь они воры и мошенники!» – говоришь ты.

А что такое вор и мошенник? Ведь это человек порочный и заблудший. А такого человека жалеть надо. Если ты можешь, то убеди его в том, что для него самого нехорошо так жить, как он живет, и он перестанет делать зло. А если он еще не понимает этого, то неудивительно, что он скверно живет.

Пожалей же этих несчастных и старайся, чтобы их заблуждения не обозляли тебя. Вспомни, как часто ты сам заблуждался и согрешал.

Пойми хорошенько и постоянно помни, что человек всегда поступает так, как ему кажется лучше для себя. Если это на самом деле лучше для него, то он прав; если же он ошибается, то ему же хуже, потому что за всяким заблуждением непременно следует и страдание.

Если ты будешь постоянно помнить это, то ты ни на кого не станешь ни сердиться, ни возмущаться, никого не будешь ни попрекать, ни бранить и ни с кем не будешь враждовать.

Когда ты видишь, что человек заблуждается, – не гневайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не может хотеть, чтобы рассудок его затемнялся. Значит, кто заблуждается, тот искренно принимает ложь за истину.

Но бывает и так, что люди не заблуждаются, а нарочно не принимают истины даже и тогда, когда она раскрыта перед ними до полной очевидности. Они не принимают ее не потому, что не могут понять ее, а потому, что она обличает их злые дела, отнимает у них оправдание своих пороков, и, значит, потому они не принимают истины. Эти люди также заслуживают не гнева, а сострадания, ибо их совесть, так сказать, больна. И я всегда удивляюсь, как эти люди боятся болезней и смерти, всячески стараются избежать их, а нисколько не беспокоятся о болезнях совести и духовной смерти своей. А духовная смерть неминуемо наступает для всякого человека, когда он не дорожит своею совестью.

IV. О том, как убеждать других

Если ты истинно веришь в справедливость твоего понимания жизни и желаешь добра людям, то при случае ты будешь высказывать другим свои мнения так, чтобы по возможности уверить твоих собеседников в справедливости твоего понимания жизни. И в этих случаях чем более собеседник твой заблуждается, тем важнее и желательнее, чтобы он понял и оценил то, что ты хочешь ему доказать.

А между тем часто мы поступаем как раз наоборот. Мы хорошо умеем беседовать с человеком, согласным или почти согласным с нами; когда же мы видим, что собеседник наш не верит в ту истину, которую мы признаем, или даже не понимает ее, то мы, правда, стараемся объяснить ему эту истину и уверить его в ее справедливости; но если он продолжает не соглашаться с нами и, как нам кажется, упрямится или извращает наши слова в другую сторону, то как легко мы теряем наше спокойствие и раздражаемся! Мы или начинаем сердиться и говорить нашему собеседнику неприятности, или прекращаем разговор, думая, что с таким непонятливым или упрямым человеком не стоит и рассуждать.

Если бы ты шел по знакомой тебе дороге и встретил бы на пути человека заблудившегося, ты, наверное, указал бы ему дорогу? Покажи же и человеку, живущему в заблуждении, где находится истина, но покажи так, чтобы он увидел ее; и тогда посмотри, как охотно и радостно он пойдет к ней! Если же ты не сумел показать ему истину, то сетуй не на него, а скорее на себя за то, что ты так бессилен.

Когда ты хочешь показать твоему собеседнику в разговоре какую-нибудь истину, то самое главное при этом – не раздражаться и не сказать ни одного недоброго или обидного слова.

V. О погоне за мирскими благами

Когда ты видишь, что человек достиг важной должности или приобрел большое богатство, то помни, что взамен того ты обладаешь умением обойтись без всего этого и что доля твоя гораздо счастливее, чем его доля.

Пусть люди владеют богатством, властью, красивыми женщинами, но в твоей душе есть сила не желать ни богатства, ни власти, ни красивых женщин, и этим

ты могущественнее, чем те жалкие люди. И сколько бы дали они за это умение презирать богатство, почести и женские ласки!

Бывает жажда здоровая и жажда болезненная. У здорового человека жажда утоляется, лишь только он напьется. У больного же – жажда от питья прекращается на малое время, а потом опять желудок его страдает, его тошнит, он весь в жару, и снова мучает его неутолимая жажда.

Так бывает и с теми, которые гонятся за богатством, почестями и похотливыми удовольствиями: они грабят слабых, мучают невинных, занимаются постыдным сладострастием. Но этим они никогда не удовлетворяются: им нужно все больше богатства и власти, они ищут все новых наслаждений и вместе с тем боятся потерять то, что имеют. Зависть, злоба, ревность овладевают ими, и они умирают, не достигнув того, чего домогались.

Не завидовать нужно таким людям, а жалеть их и бояться стать такими же.

Разбросайте на улице орехи и пряники – сейчас же прибегут дети, станут подбирать их, подерутся между собою. Взрослые же не станут драться из-за этого. А пустые скорлупки и дети не станут подбирать.

Для меня деньги, должности, почести, слава – те же скорлупки и детские сласти. Пусть дети подбирают их, пусть бьют их и гоняют из-за этого, – для меня это все – скорлупки. Если случайно ко мне в руки попадет какой-нибудь орех, почему же и не съесть его. Но нагибаться для того, чтобы его поднять, бороться из-за него, свалить кого-нибудь с ног или самому свалиться – не стоит из-за таких пустяков.

VI. О мере добра и зла

Одному человеку кажется хорошим одно, а другому – другое, как раз противоположное. Но ведь оба противоположных мнения не могут быть справедливы.

«Я, – скажешь ты, – считаю справедливым свое мнение и несправедливым чужое мнение».

А почему же ты узнал, что твое мнение справедливо а чужое несправедливо? Для этого ведь недостаточно того, что ты сам себя считаешь правым. Когда нам нужно, например, измерить какое-нибудь расстояние, то мы не полагаемся на слова того или другого человека, но измеряем расстояние верною мерою – аршином, саженью.

Если для таких простых дел есть своя верная мера, то неужели же для более важных дел жизни такой меры нет? Если бы нашлась такая мера для избежания ошибок, то мы, конечно, не стали бы делать ни одного шага без того, чтобы не справиться с нею. Такая мера раскрыла бы глаза всем тем, кто заблуждается, принимая за верное то, что им только «кажется».

Мера эта существует. Для того чтобы приобрести ее, надо прежде всего понять хорошенько, в чем наше истинное добро, в чем истинное зло и в чем их главные свойства.

Когда мы это выясним себе и ясно поймем, тогда у нас уже будет в руках та мера, которую мы ищем.

Мне хочется, например, узнать: добро или зло какое-нибудь плотское наслаждение? Одни люди говорят, что оно добро, другие скажут, что оно зло. Я прикладываю свою меру. Мера моя говорит мне, что истинное добро безопасно, внушает уважение и доставляет постоянное благо. Таково ли это плотское наслаждение? Нет, оно и не безопасно для здоровья, и никому не может внушить уважения, и не доставляет постоянного блага. Следовательно, наслаждение это не есть добро.

Ты можешь проверить значение этого наслаждения еще и другою мерою: мы все знаем, что истинное добро всегда доставляет удовольствие душе нашей. Обсуди теперь, таково ли это плотское наслаждение?

Когда ты будешь отвечать на этот вопрос, то будь осторожен, потому что если ты скажешь, что плотское наслаждение может дать удовлетворение нашей душе, то ты этим только покажешь, что ты не умеешь пользоваться мерою добра и зла.

Настоящая мудрость есть не что иное, как умение выяснять и устанавливать истинную меру добра и зла; и задача всякого разумного человека состоит в том, чтобы прикладывать эту меру ко всем делам жизни.

Истинное добро заключается в правильных понятиях и в добрых желаниях. Истинное зло – в неправильных понятиях в порочных желаниях.

Как только тебе покажется, что смерть есть зло, так сейчас же вспомни, что зло есть то, чего мы должны избегать. А как смерти избежать нельзя, то она и не может быть злом.

Никогда не нужно забывать той истины, что нет ничего ни хорошего, ни дурного в том, что не зависит от нашей воли. Следует всегда помнить, что мы не можем управлять событиями, а должны прилаживаться к ним.

«Моему брату не следовало так поступать со мною! Разве его поведение не дурно для меня?»

Оно дурно, но только не для тебя, а для него самого. Как бы брат мой ни поступал со мною, я буду обращаться с ним так, как следует, потому что меня касается только мое поведение, а не его поведение. В своем поведении я хозяин, а в чужом – не имею никакой власти.

Всякое отступление от воли Божьей неизбежно сопровождается наказанием. Так, например, если человек будет считать, что для него может быть добро в том, что от него не зависит, то он непременно будет завистлив, ревнив, лъстив и постоянно беспокоен. Если человек будет считать, что в том, что от него не зависит, может быть для него зло, то он непременно будет грустить, плакать и отчаиваться. Вообще, наказание неизменно следует за всяким неразумным поступком. И между тем как мало людей решаются бросить неразумную жизнь!

VII. Какая потеря самая важная для человека?

Когда ты бранишь человека и враждуешь с ним, то ты похож на кузнеца, который разучился своему ремеслу. Тогда ты забываешь, что люди – твои братья, и ты делаешься их врагом, вместо того чтобы быть их другом. Этим ты сам себе вредишь, потому что, когда ты перестал быть добрым и общительным существом, каким тебя Бог создал, и вместо того стал диким зверем, который подкрадывается, раздирает и губит свою жертву, – тогда ты потерял самую дорогую свою собственность. Ты чувствуешь потерю кошелька с деньгами; почему же ты не чувствуешь своего убытка, когда ты потерял свою честность, доброту и умеренность?

В чем состоит потеря того человека, который соблазняет жену ближнего своего?

В том, что он потерял свое воздержание, свою власть над собою, свою честность. Он убил в себе товарища и благожелателя людей.

Точно так же человек терпит большой убыток и тогда, когда он гневается на людей или боится чего-нибудь.

Душа наша похожа на сосуд с водой, а мысли, которые нам приходят, похожи на свет, падающий на эту воду. Когда вода в сосуде колыхается, то кажется, будто колыхается и свет, падающий на эту воду, хотя это и не так на самом деле. Так же точно когда душа наша волнуется, то кажется, будто и сами наши мысли расшатываются и путаются. Но в самом деле волнуется только душа: успокоится она – и мысли наши сейчас же опять придут в порядок.

Нам нужно беречь то, что наше; не желать того, что не наше; пользоваться тем, что нам дают, не плакать о том, чего нам не дают; охотно и без противления отдавать то, что у нас отнимают, и благодарить Бога за то, что мы пользовались им некоторое время.

VIII. О том, что дорого в человеке

Ты говоришь, что нет надобности заботиться о том, чтобы правильно мыслить и соображать, – и просишь меня доказать тебе пользу правильного мышления. Но как же ты узнаешь, справедливы ли мои доказательства, как не при помощи именно правильного мышления и соображения? Следовательно, прося меня доказать тебе пользу правильного мышления, ты этим самым доказываешь мне, что имеешь намерение приложить к делу свое правильное мышление. А если так, то ты не нуждаешься в том, чтобы тебе еще доказывали его пользу.

Человек имеет преимущество над животным не телом, а своими душевными способностями. В них заключается высшее добро для человека; кто пренебрегает ими, тот впадает в настоящее зло. Кто хочет спастись от зла, тот должен оберегать как бы от врагов свою честность, свое воздержание, свое разумение. Кто отдает врагу эту крепость свою, тот попадает в плен и погибает.

Прожить свой век настоящим человеком совсем не так легко и просто, как это кажется с первого взгляда. Мы знаем, что человек отличается от диких зверей и домашнего скота разумом своим. Значит, если мы хотим быть настоящими людьми, то не должны походить ни на зверей, ни на скотину.

«А когда бывает человек похож на скотину?»

Тогда, когда он живет в брюхо свое: безрассудно, небрежно, похотливо.

«А когда похож он на дикого зверя?»

Тогда, когда он живет насильничеством, когда он поступает с упрямством, гневом, злобой.

Приведи в порядок свою внутреннюю духовную жизнь; не давай ходу печали, страху, зависти, корысти, алчности, недружелюбию, изнеженности и необузданности. Всему этому можно не давать ходу только тогда, когда будешь помнить Бога, стремиться к Нему и исполнять во всем Его заповеди. Если ты не хочешь этого, то тебе придется со стоном и плачем тащиться за теми, кто сильнее тебя. Ты станешь искать счастья вне себя и никогда его не найдешь, потому что, вместо того чтобы искать его там, где оно находится, ты будешь искать его там, где его нет.

Человек создан не для одинокой жизни, но для совместной – для того чтобы любить себе подобных и находить счастье в общении с ближним. Но вместе с тем человек не должен скучать и тогда, когда ему приходится жить одному. Он должен уметь обходиться без развлечений и пользоваться одиночеством для того, чтобы беседовать с самим собою, размышлять о Боге и о том, какое назначение человека в этом мире. Находясь в одиночестве, мы должны разобрать наше собственное поведение, прошлое и настоящее, сообразить, что именно еще мешает нам жить праведно и как избавиться от этих помех; и затем – приступить к борьбе с теми слабостями и пороками, которые мы в себе подметим.

Дело разумного человека – в том, чтобы приложить свои мысли к делу сообразно с законами природы. У всякого человека два дела: одно – держаться истины, отстранять заблуждение и не рассуждать о том, что неизвестно; другое – любовно льнуть ко всему тому, что есть добро, отстранять от себя зло и не обращать внимания на то, что ни добро, ни зло.

Человек, который не знал бы, что глаза могут видеть, и который никогда не раскрывал бы их, был бы очень жалок. Но еще более жалок тот человек, который не понимает, что ему дан разум для того, чтобы спокойно переносить всякие неприятности. С помощью разума мы можем справиться со всеми неприятностями. Непереносимых неприятностей разумный человек не встретит в жизни: для него их нет. А между тем как часто, вместо того чтобы смотреть прямо в глаза какой-нибудь неприятности, мы малодушно стараемся увернуться от нее. Не лучше ли радоваться тому, что Бог дал нам власть не огорчаться тем, что с нами случается помимо нашей воли, и благодарить Его за то, что Он подчинил нашу душу только тому, что от нас самих зависит. Он ведь не подчинил нашей души ни родителям нашим, ни братьям, ни богатству, ни телу нашему, ни смерти. Он, по благодати своей, подчинил ее одному тому, что от нас зависит, – разумению нашему.

Свободным человеком бывает только тот, с которым случается все так, как он того хочет. Но значит ли это, что с ним непременно случится все то, что ему вздумается? Нисколько. Ведь грамота, например, научает нас писать буквами и словами все, что мы захотим; но для написания хоть своего имени я не могу

писать такие буквы, какие мне вздумаются: этак я никогда не напишу своего имени. А я должен пожелать писать именно такие буквы, какие нужны, и в том порядке, который нужен. И во всем так. Мы бы никогда ничему не научились, если бы делали так, как только нам вздумается. Значит, для того чтобы быть свободным человеком, не следует желать зря всего того, что только придет в голову. Напротив того, свободный человек должен выучиться хотеть и соглашаться со всем тем, что с ним случается, потому что то, что с человеком случается, случается не зря, а по воле Того, Кто управляет всем миром.

IX. Об отношениях человека к Богу

С Богом надо поступать так же, как мы поступаем с нашими глазами. Мы не просим их видеть то, что нам хочется видеть; напротив, мы очень довольны, что глаза наши показывают нам предметы такими, каковы они на самом деле. Почему же мы с Богом поступаем не так? Почему умоляем Его сжалиться над нами и дать нам то, чего нам хочется, а не то, что мы получаем от Него?

Разве есть что-нибудь лучше того, что Богом установлено?

Если б только мы постоянно помнили, что Бог в нас – свидетель всего того, что мы делаем и думаем, то мы перестали бы грешить и Бог неотлучно пребывал бы в нас. Давайте же вспоминать Бога, думать и беседовать о Нем как можно чаще.

Если ты будешь постоянно помнить, каким великим мастером ты сотворен, то ты не захочешь оскорблять Его своим порочным житьем. Помни и то, что Он не только сотворил тебя, но и велел тебе самому сохранять себя. Неужели сможешь решиться повредить и изгадить то, что Он доверил тебе? Если бы Бог поручил тебе призреть сироту, ты ведь позаботился бы предохранить его от вреда? Так же точно Бог поручил тебе призреть самого себя и как бы сказал тебе: «Убереги ты этого человека в том чистом образе, в котором Я произвел его на свет. Он родился честным, верным, бесстрашным и с чистой душой. Сохрани же его в целости!...»

Перевод В. Черткова

Афоризмы

* * *

Жизнь полна случайностей, похожа на разлившуюся от дождей реку – бурна, полна тины, непреходима, бешена, шумна и скоропреходяща.

* * *

Сердце, следующее законам нравственности, – неиссякаемый родник с чистою, прозрачною, вкусною, здоровою, для всего годною, прекрасною, полезною, не содержащею в себе ничего вредного водою.

* * *

Если хочешь быть добрым, прежде всего считай себя злым.

* * *

Лучше стараться о том, чтобы реже приходилось сознаваться в своих ошибках и чаще быть умным, нежели сознаваться в своих ошибках лишь изредка и чаще ошибаться.

* * *

Владей своими страстями – или они овладеют тобою. Не так стыдись людского мнения о себе, как бойся истины.

* * *

Если хочешь, чтобы говорили хорошо про тебя, не говори худо о других. Когда ты приучишь себя отзываться хорошо о посторонних, старайся вести себя безукоризненно, – тогда о тебе составят лестное для тебя мнение.

* * *

Свобода – благо, неволя – зло. Но выбор любой из них зависит от нас. То, где свободной воле нет места, не подходит ни под одно из названных понятий. Но дух господствует над плотью и над всем, что принадлежит телу и не имеет свободной воли. Человек со свободной волей не может быть назван рабом.

* * *

Судьба – мрачная тюрьма для тела и зло для души. Кто свободен телом и несвободен душою, тот раб, и, в свою очередь, кто связан телесно, но свободен духовно – свободен.

* * *

От уз телесных природа освобождает смертью, как от бедности – богатством, но от уз духовных одною добродетелью – знанием, учением и трудом.

* * *

Если хочешь жить спокойно и весело, старайся вести знакомство только с хорошими людьми. Хорошими же будут они для тебя тогда, когда ты займешься перевоспитанием тех из них, кто станет охотно слушать тебя, и разойдешься с чуждающимся тебя, – вместе с теми, кто отойдет от тебя, отойдут и пороки, и рабство, как с теми, кто останется, останутся нравственные достоинства и свобода.

* * *

Стыдно тому, кто делает сладкий напиток из дара пчел – меда и в то же время своею порочною жизнью делает горьким дар Божий – разум.

* * *

Нет никого, кто, любя деньги, удовольствия и славу, любил бы и людей: их любит лишь тот, кто любит добродетель.

* * *

Ты не хотел бы ехать на большом, красивом, украшенном позолотой корабле – и утонуть на нем. Так не желай же жить в большом, роскошном доме, где бы ты был подавлен горем.

* * *

Если нас пригласят к обеду, мы едим то, чем нас потчуют. Когда кто-либо попросит у хозяина подать ему рыбного или пирожное – его назовут невежей. В жизни между тем мы требуем от богов, чего они не могут нам дать, требуем притом, получивши от них очень многое.

* * *

Смешны люди, гордящиеся тем, что не в нашей власти. Один говорит: «Я лучше тебя: у меня много земли, а ты мрешь с голоду». «Я бывший консул», – говорит другой. «Я прокуратор», – слышишь от третьего. «У меня курчавые волосы», – говорит четвертый. Лошадь между тем не скажет лошади: «Я лучше тебя, потому что у меня много корму, вдоволь овса; узда у меня с золотой насечкой, попона – цветная», а только: «Я лучше тебя, потому что быстрее». Вообще, всякое животное лучше или хуже исключительно по своим достоинствам или недостаткам. Неужели же только люди не ценят нравственных качеств? Неужели мы должны обращать внимание лишь на волосы, платье и происхождение?..

* * *

Больные недовольны врачом, когда он ничего не прописывает им, и думают, что он считает их положение безнадежным. Отчего же мы не поступаем так по отношению к философу – не думаем, что он отчаялся в нашем исправлении, если не дает нам никаких советов?

* * *

Кто крепок телом, может терпеть и жару, и холод. Так тот, кто здоров душевно, в состоянии перенести и гнев, и горе, и радость, и остальные чувства.

* * *

Спроси себя, чего ты хочешь – богатства или счастья? Если богатства – знай, что оно не благо, не в твоих руках; если счастья – будь уверен, что оно и благо, и находится в твоей власти: первым судьба ссужает нас только на время, тогда как быть счастливым – зависит от нас самих.

* * *

Если ты увидишь ехидну, ядовитую змею или скорпиона в ящике с украшениями из слоновой кости или золота, ты все равно не полюбишь и не захочешь иметь их, хотя они и посажены в дорогое помещение, – напротив, станешь глядеть на них со страхом и отвращением, как на ядовитых животных. Так, когда ты встретишь людей богатых, щедро наделенных всем судьбою, но порочных, не изумляйся их блестящей внешности, а презирай их за их пороки.

* * *

Богатство нельзя назвать добром, роскошь – прямое зло, как бережливость – хорошее качество. Бережливость ведет к умеренности и к приобретению истинных благ, богатство – к роскоши и невоздержности. Трудно поэтому богачу быть умеренным, как человеку воздержному – разбогатеть.

* * *

Если твоя мать забеременела или родила тебя на корабле, ты не стал бы стараться ради этого сделаться его кормчим. Так и на земле тебе не следует желать себе богатства. В первом случае у тебя нет ничего общего с кораблем, в последнем – с богатством. Общее у тебя в обоих случаях с разумом. Если же разум дала тебе природа, если у тебя есть родство с ним, – считай его своим, заботься о нем.

* * *

Когда бы ты родился в Персии, ты не захотел бы жить в Греции, нет, ты желал бы жить счастливо в своем отечестве. Зачем же, родившись в бедности, ты стараешься разбогатеть и не хочешь жить счастливо, оставаясь тем, кем был раньше?..

* * *

Лучше спать, хотя бы согнувшись, на короткой кровати и быть здоровым, нежели лежать на длинной кровати и быть больным. Так лучше нуждаться и быть веселым, чем жить в роскоши и не знать, что такое чувство радости.

* * *

Не бедность наводит нас на грустные думы, но наши желания, и не богатство рассеивает в нас чувство страха, а рассудок. Раз у тебя есть рассудок, ты не станешь ни желать себе богатства, ни роптать на свою бедность.

* * *

Лошадь не хвалится, не гордится своею конюшней, сбруей или попоной, птица – пищей или гнездом; оба гордятся быстротою ног, как первая, или крыльев, как вторая. В свою очередь, и тебе следует гордиться не своим столом, не платьем – словом, внешними благами, но своим добрым сердцем и благотворительностью.

* * *

Между понятиями «жизнь счастливая» и «жизнь роскошная» есть разница. Первая основана на воздержании, самосовершенстве, порядке, пристойности и простоте, последняя – на неумеренности, роскоши и отсутствии всякого порядка и пристойности, вследствие чего первая заслуживает справедливой похвалы, тогда как вторая – порицания. Итак, если ты хочешь жить счастливо, не ищи похвал за роскошную жизнь.

* * *

Знай меру во всякой пище и питье и удовлетворяй лишь первому позыву к пище. Позыв же к пище выражается в том удовольствии, с каким ты ешь. Тогда ты не будешь принимать пищу насильно, станешь обходиться без тонких блюд и пить с удовольствием любой напиток.

* * *

Званные обеды у тебя не должны быть роскошны и при этом скучны, но веселы и просты, чтобы, с одной стороны, от угождения телу не страдала душа, а с другой – чтобы, потворствуя чувственным наслаждениям, не оставлять без внимания тела и тем впоследствии не повредить ему: вследствие роскошной жизни являются болезни.

* * *

Заботься не о пище телесной, но о пище духовной. Первая выходит вон в виде испражнения – о ней тут же перестают говорить, – тогда как последняя никогда не портится, даже по разлучении души с телом.

* * *

Находясь на обеде, помни: ты угощаешь двух гостей – тело и душу. То, что ты даешь телу, ты вскоре потеряешь, но что дашь душе – останется твоим навсегда.

* * *

Потчуй гостей изысканными блюдами, не показывай в то же время своего гнева: роскошные кушанья, войдя в желудок, вскоре выходят оттуда, тогда как гнев, запав в душу, остается в ней очень долго. Старайся же под влиянием гнева не

оскорбить своих гостей, несмотря на свой пышный прием, и лучше принимай их просто, но доставь им удовольствие своим ласковым обхождением.

* * *

За обедом обращай внимание, чтобы прислуги было меньше гостей, – глупо было бы, если бы за немногими гостями ухаживало много прислуги.

* * *

Было бы очень хорошо, когда бы ты принимал участие в исполнении своих приказаний, так же как ел вместе с теми рабами, на которых возложено то или другое дело. Если тебе трудно исполнить это за недосугом, не забудь, по крайней мере, того, что ты празден – за тебя работают другие, ты ешь – они голодны, ты пьешь – они жаждут, ты говоришь – они должны молчать, ты весел – они грустны... Тогда ни ты сам, находясь в состоянии раздражения, не сочтешь себя оскорбленным, ни обидишь другого, кто рассердит тебя.

* * *

Ссориться и спорить вообще невежливо, но в особенности неприлично – в разговорах за выпивкой. Ведь пьяному все равно не убедить трезвого, как трезвому не уговорить пьяного, а там, где все убеждения напрасны, незачем пускать в ход все свое красноречие.

* * *

У кузнечиков есть голос, у улиток его нет. Последние любят сырость, первые – тепло; последних заставляет вылезти из скорлупы роса, первые просыпаются от жгучих лучей солнца, вместе с его восходом и начинают свои песни. Так если и ты хочешь быть человеком приятно и дельно говорящим, не показывай своей души на обедах, когда ее окропила винная «роса», или загрязнишь ее. Когда же в тихой беседе ее согреет своими лучами разум, тогда пусть раздастся ее голос, как голос пророка – пусть она заговорит голосом правды.

* * *

На того, с кем ты разговариваешь, смотри с трех точек зрения: считай его или выше тебя по умственному развитию, или ниже, или равным тебе. Если он умнее тебя – слушай и слушайся его, глупее – сам дай ему совет; если он равен тебе по уму – согласись с ним. Помня это, ты никогда не привыкнешь спорить.

* * *

Лучше согласиться с истиной и отказаться от ложного мнения, чем, согласившись с ложным мнением, быть побежденным правдой.

* * *

Отыскивая истину, не старайся победить во что бы то ни стало; раз правда в твоих руках, победа обеспечена тебе.

* * *

Правда побеждает сама собою, мнение – через других.

* * *

Лучше жить с одним человеком высокой души и быть спокойным и независимым, нежели вести жалкую жизнь в обществе многих.

* * *

Чего не желаешь себе, не желай и другим; тебе не нравится быть рабом – не обращай других в рабство. Раз ты не можешь обойтись без услуг рабов, ты, прежде всего, сам раб, – как не уживаются друг с другом добродетель и порок, так и свобода и рабство.

* * *

Как здоровый не захочет, чтобы ему прислуживали больные или видеть больными своих домашних, так благородный человек не позволит себе прибегнуть к услугам рабов или жить под одной кровлей с несвободными людьми.^[1]

* * *

Если хочешь быть свободным, добудь сам себе свободу.

* * *

Свободным же ты будешь тогда, когда отрешись от своих страстей. Ведь и Аристиду, Эпаминонду и Ликургу были даны громкие имена: Справедливый – первому из них, Освободитель – второму, и Бог – третьему, – не за то, что они были богаты и имели рабов, но за то, что, живя в бедности, они даровали Греции свободу.

* * *

Если ты хочешь жить в крепко построенном доме, бери пример со спартанца Ликурга. Как он не окружал своего города стенами, считая его защитой хорошую жизнь его граждан, и сумел навсегда сохранить ему свободу, так и ты не обноси своего дома большими стенами, не ставь на них высоких башен, нет, пусть живущие в нем будут сильны своею любовью, честностью и братским союзом, – и зло не проникнет в него, хотя бы на него сделал нападение весь сонм греха.

* * *

Не украшай своего дома картинами или живописью – пусть украшением ему служит царящая в нем умеренность. Первое чуждо душе и лишь на время ласкает взоры, тогда как последняя сжилась с ней, нетленна, вечное украшение дому.

* * *

Вместо стад быков старайся собирать у себя в доме толпы друзей.

* * *

Волк имеет сходство с собакой, как льстец, любовник жены и нахлебник похожи друг на друга. Берегись поэтому вместо стерегущих стада собак впустить в дом по ошибке хищных волков.^[2]

* * *

Человек, лишенный вкуса, старается украсить свой дом работой из слепящего глаза гипса на удивление другим, но человек с тонким вкусом и в то же время одаренный любовью к людям украшает свою душу лаской и общительностью.

* * *

Если, вместо того чтобы удивляться великому, ты станешь удивляться малому, ты заслужишь презрение, но если презришь малое – будешь пользоваться глубоким уважением.

* * *

Нет ничего отвратительнее скупости, любви к удовольствиям и хвастливости, зато нет ничего благороднее великодушия, кротости, мягкосердия и желания делать добро.

* * *

Философов, доказывающих, что сластолюбие противно человеческой природе, и, напротив, доказывающих, что людской природе сродни чувства справедливости, умеренности и благородства, не любят. В самом деле, почему же тогда душа радуется хотя бы незначительным удовольствиям, «наслаждается покоем», употребляя выражение Эпикура, и в то же время не чувствует радости от своих благ, которые так велики? Природа дала мне стыд, и я часто краснею, когда чувствую, что говорю неприличное. Это душевное движение не позволяет мне верить, что наслаждение – благо и должно быть целью нашей жизни.^[3]

* * *

Римлянки не расстаются с Платоновым сочинением «Государство», так как в нем он проповедует общность жен, но читают они слова философа, не понимая их смысла. Он вовсе не говорит, что мужчина должен жениться и жить один

только со своею женой, а затем жены должны быть общими, нет, он предлагает уничтожить этот вид брака и ввести новую форму брачной жизни.^[4] Вообще, люди рады найти оправдание своим проступкам, тогда как философия учит не протягивать, не подумавши, даже палец.

* * *

Чем реже удовольствия, тем они приятнее.

* * *

Самое приятное может сделаться самым неприятным, стоит только преступить меру.

* * *

Агриппин^[5] справедливо заслуживает похвалы за то, что, несмотря на свои огромные заслуги, никогда не хвалил себя, мало того, даже краснел, когда его начинали хвалить другие. Он имел обыкновение хвалить всякую случившуюся с ним неприятность. Например, если он заболел лихорадкой, он хвалил лихорадку, бранили его – хвалил брань, осуждали на ссылку – благословлял изгнание. Однажды, когда он хотел завтракать, ему принесли от имени Нерона приказ отправляться в ссылку. «Значит, – сказал он, – завтракать нам придется в Ариции...»

* * *

Диоген с пренебрежением относился ко всякому труду, который приносит пользу не духовной стороне, не душе, а телу.

* * *

Как верные весы нельзя ни проверить по верным же весам, ни судить о степени их верности по неверным весам, так и справедливого судью не могут судить справедливые люди, а суду несправедливых он не подлежит.

* * *

Прямое не нуждается в выправлении; так справедливое не нуждается в исправлении.

* * *

Не берись судить других, прежде чем не сочтешь себя в душе достойным занять судейское место.

* * *

Если ты хочешь быть беспристрастным судьей, смотри не на обвинителя или обвиняемого, а на самое дело.

* * *

Ты будешь безукоризненным судьей, если на твоей собственной жизни не будет пятен.

* * *

Лучше переносить незаслуженные оскорбления от обвиненного за свой справедливый приговор, нежели чувствовать справедливые укоры совести за свое пристрастное решение.

* * *

Нельзя судить по золоту о камне, с помощью которого узнают золото; то же можно сказать и про судью.

* * *

Стыдно судье быть судимым другими.

* * *

Как нет ничего прямее прямого, так нет ничего справедливее справедливого.

* * *

Кто из нас не удивляется поступку спартанца Ликурга! Когда один из молодых граждан выколол ему глаз, народ выдал виновного, чтобы Ликург мог наказать его по своему усмотрению; но он отказался от этого. Он занялся его воспитанием, сделал из него честного человека и явился с ним в театр. «Вы выдали мне его как моего обидчика и злодея, — сказал он изумленным спартанцам, — а я возвращаю его вам честным и добрым человеком...»

* * *

Питтак, оскорбленный одним человеком, мог наказать его, но отпустил со словами: «Прощение — лучше мщения». Первое свойственно людям добрым, последнее — злым.

* * *

Главная цель природы — укреплять, делать прочным в нас стремление к прекрасному и полезному.

* * *

Только вполне пошляк и глупец может думать, будто другие станут презирать его, если он не будет всячески вредить своим заклятым врагам. Правда, мы относимся с презрением к человеку, который не в состоянии принести другим

вреда, но несравненно справедливее заслуживает этого тот, кто не может принести посторонним пользы.

* * *

Если ты хочешь приступить к кому-либо с гневом и угрозами, не забудь напомнить себе, что ты кроток и не поступишь жестоко: тебе не придется ни раскаиваться, ни бояться ответственности.

* * *

Не следует забывать, что трудно человеку усвоить какое-либо нравственное правило и ввести его в свою жизнь, если о нем ему не твердят, не напоминают ежедневно.

* * *

Никий был так трудолюбив, что часто спрашивал своих рабов, мылся ли он или завтракал ли.

* * *

Архимеда, в то время как он склонялся над табличками для письма, рабы насильно уводили прочь, чтобы натереть ему тело маслом, но он продолжал чертить математические фигуры на своем умащенном теле.

* * *

Когда собственника корабля, Лампида, спросили, каково было ему нажить богатство, он ответил: «Большое богатство – легко, но маленькие деньги – с большим трудом».

* * *

Когда Питтак спросил молчавшего за столом Солона, отчего он не говорит – оттого ли, что не находит предмета для разговора, или по глупости, он получил ответ: «Ни один дурак не может молчать за столом».

* * *

Старайся всегда заранее главным образом о том, чтобы тебе ничего не потерять. Молчать безопаснее, чем говорить. В особенности не говори глупостей.

* * *

Маяки в гаванях дают яркий огонь даже тогда, когда в них подбросят немного хворосту, и приносят громадную пользу скитающимся по морю кораблям; так добрый человек в трудное для государства время, довольствуясь лично малым, может принести согражданам большую пользу.

* * *

Раз ты хочешь управлять кораблем, ты должен быть вполне знакомым с обязанностями кормчего. Точно так же, если ты желаешь быть главою государства, тебе необходимо быть знакомым с искусством управления, иначе в первом случае ты можешь пустить ко дну корабль, во втором – довести государство до окончательного падения.

* * *

Намерен ты украсить приношениями родной свой город – принеси прежде всего в дар ему самого себя: свою кротость, любовь к справедливости и доброе сердце, драгоценнейшие из даров.

* * *

Если ты выстроишь своему родному городу не высокие здания, а сделаешь выше его граждан – ты будешь его величайшим благодетелем: пусть лучше в низких домах живут высокие сердца, нежели в высоких зданиях гнездятся низкие, мелкие души.

* * *

Не украшай стен своего дома эвбейским или спартанским мрамором^[6] – укрась сердца сограждан и их правителей плодами греческого просвещения: не камни или дерево служат основанием государству, а ум его граждан.

* * *

Хочешь ты завести у себя львов – тебе следует, конечно, заботиться не о красоте их клеток, но о здоровье животных; так, если ты вздумаешь стать во главе сограждан, заботься не столько о великолепии их домов, сколько о том, чтобы живущие в них имели мужественную душу.

* * *

Как добрый конюх задает корму не одним только смирным лошадям, не морит голодом беспокойных из них, напротив, кормит одинаково и тех и других, только одних бьет сильнее, чтобы они сравнялись с хорошими, так умный правитель старается делать добро не одним хорошим гражданам, не губит вконец дурных, но печется одинаково о благе тех и других, только делает наставления и строже относится к тем из них, кто поступает противно разуму и законам.

* * *

Гусь не пугает других своим криком, овца – блеянием; так и тебе не следует бояться криков глухой толпы.

* * *

Как должен ты быть глух к глупым требованиям со стороны толпы чего-либо из твоей собственности, так следует тебе отвечать отказом на требование от тебя толпою чего-либо противного чести.

* * *

Что надо платить государству, плати заблаговременно, и с тебя никогда не спросят чего не следует.

* * *

Чтобы взойти солнцу, нет нужды ни в молитвах, ни в заклинаниях, нет, оно вдруг начинает посылать свои лучи на радость всем; так не жди и ты ни рукоплесканий, ни шуму, ни похвал, чтобы делать добро, – твори благодеяния добровольно – и будешь любим, как солнце.

* * *

Не на одном якоре стоит корабль, не на одной только надежде покоится жизнь.

* * *

Не ходи туда, куда нельзя пройти, не надейся на то, на что нельзя надеяться.

* * *

Когда у Фалеса спросили: «Что вполне общее всем?» – он отвечал: «Надежда», – она остается даже у тех, у кого нет ничего другого.

* * *

Врачую душу, а не тело: лучше смерть, чем позорная жизнь.

* * *

Пиррон говорил, что между жизнью и смертью нет разницы. Когда его спросили, почему же тогда он не умирает, он ответил: «Потому что жизнь и смерть – одно и то же».

* * *

Удивительна наша природа и жизнелюбива, как говорит Ксенофонт^[7]. Нет ничего противнее, гаже нашего тела, и все же мы любим его и хвалим; если бы нам нужно было бы походить только пять дней на наших ближних, мы не согласились бы на это. Представь себе, как приятно вставать рано поутру и чистить другому зубы или, когда он справит свои естественные надобности, мыть ему седалище. Надо только удивляться, как это мы любим то, что ежедневно требует столько ухода, сопряженного с неприятностями. Сперва я

должен набить свой «мешок», потом снова его опорожнить. Может ли быть что противнее? И все же я должен повиноваться Богу, и я останусь верен Ему и буду мыть, кормить и одевать свое жалкое тело. Когда я был моложе, мне приходилось исполнять еще больше приказаний, но я исполнял их. Почему же ропщете вы, когда природа берет обратно то тело, которое она же дала нам?.. Мы его любим, говорите вы. Но разве эту самую любовь, как я сказал выше, внушила вам не та же природа? Теперь она говорит сама: «Отдай свое тело»; оно не должно больше тяготить тебя...

* * *

Молодой, умирая, ропщет на богов за то, что умирает в цвете лет; старик – за то, что томится, когда ему пора на покой. И все же, когда смерть встанет с ним лицом к лицу, его охватывает жажда жизни, он посылает за врачом и просит его употребить все силы, все искусство, чтобы поставить его на ноги. Удивительные создания эти люди – не хотят ни жить, ни умирать!

* * *

Жизнь короткую, но честную всегда предпочитай жизни долгой, но позорной.

* * *

Когда мы были детьми, родители поручили нас воспитателю, который зорко следил, чтобы с нами не случилось худа. Мы выросли – и Бог поручил охранять нас врожденной нам совести. Не будем относиться с презрением к этому стражу, иначе и Бог разгневается на нас, и наша собственная совесть будет видеть в нас своих врагов.

* * *

Богатством надо пользоваться, как и некоторыми вещами, не везде одинаково. Лучше желать всем приобрести добродетель, а не богатство, которое глупцам даже вредно: с богатством увеличиваются пороки, и чем кто глупее, тем безобразнее ведет себя, благо имеет возможность удовлетворять своим желаниям.

* * *

Чего не следует делать, того не делай даже в мыслях.

* * *

Есть люди, счастливо прожившие век в бедности, что очень редко бывает с богатыми и знатными. Честная бедность имеет в себе то преимущество, что ни один порядочный человек не променяет своей бедности на нажитое кривым путем богатство, если только сын Неокла, Фемистокл, в свое время первый богач в Афинах, но бедный нравственными качествами, стоял ниже Аристиды и Сократа. Но и его богатство исчезло, и сам он забыт: вместе со смертью

безнравственного человека умирает всякое воспоминание о нем. Тогда как честного имени не ожидает забвение.

* * *

В зяте можно найти сына; но у кого дурной зять, тот потерял и свою дочь.

* * *

Прежде чем взяться за что-нибудь или сказать, внимательно подумай сам с собою: того, что ты скажешь или сделаешь, не воротишь.

* * *

Честному человеку жить везде безопасно.

* * *

Вороны выклевают глаза трупам, глаза, ни на что уже не годные; льстецы оскорбляют живых, выклеывая глаза их души.

* * *

Не делай различия между рассердившейся обезьяной и грозящим тебе льстецом.

* * *

Слушайся тех, кто хочет дать тебе полезный совет, только не тех, кто не может ни минуты обойтись без лести. Первые видят ясно, что полезно, вторые обращают свое внимание исключительно на то, чтобы понравиться стоящим выше себя по положению, и как тень следует за телом, так они соглашаются со всем, что ни скажут другие.

* * *

Советнику следует обращать внимание главным образом на то, есть ли стыд и понятие чести у тех, кому он дает советы: кто потерял стыд, того бесполезно исправлять.

* * *

Совет лучше порицания: первый – мягок, полон дружеского участия, второе – жестоко и оскорбительно; один исправляет виновного, другое только осыпает его упреками.

* * *

Делись своим добром со странником и неимущим: если ты не поможешь неимущему, не помогут и тебе в нужде.

* * *

Когда морского разбойника буря выбросила с кораблем на берег, один человек одел его, привел к себе в дом и дал ему все, в чем он нуждался. «В его лице я оказал благодеяние не человеку, а человечеству», – отвечал он на упрек, сделанный ему за то, что он сделал добро злодею.

* * *

Нужно позволять себе не все удовольствия, но только те, в которых нет ничего дурного.

* * *

Умный борется со страстью, глупец становится ее рабом.

* * *

Страсть, словно приманка всего заслуживающего имени порока, прельщает сластолюбивую душу и легко увлекает ее на край гибели.

* * *

Старайся сам смирять свои страсти, но не позволяй себе отдаваться страстям.

* * *

Раб тот, кто не умеет владеть собою.

* * *

Виноград пускает от себя три ветви: ветвь наслаждения, ветвь пьянства и ветвь наглости.

* * *

Когда пьешь вино, не говори много, покажи свое воспитание, иначе в тебе заговорит твоя желчь.

* * *

Пьян тот, кто выпил больше трех стаканов; если же он и трезв, он все-таки перешел меру.

* * *

Каждый день думай лучше о Боге, нежели о пище. Чаще думай о Боге, чем дыши.

* * *

Если ты всегда будешь помнить, что все, что ты ни делаешь тайно или явно, видит Бог, – твои молитвы будут услышаны и ты не погресишь: Бог будет твоим помощником.

* * *

Приятно смотреть с берега на море: так приятно и спасшемуся вспомнить о пережитых им опасностях.^[8]

* * *

Закон имеет целью заботиться о жизни людей, но он достигает ее тогда только, когда они желают себе добра: на одних кротких людях показывает он свою силу.

* * *

Больного спасает врач, обиженного принимает под свою за щиту закон.

* * *

Лучшие законы – самые справедливые. Похвально уступать закону, власти и уму. Что противозаконно – ничто.

* * *

Нет ничего легче найти друга в счастье и ничего труднее – в горе.^[9]

* * *

Глупцов вылечивает от горя время, умных – их ум.

* * *

Умен тот, кто не печалится о том, чего нет, а доволен настоящим.

* * *

Когда Эпиктета спросили, чем можно мстить своему врагу, отвечал: «Стараться сделать ему как можно больше добра».

* * *

Ни один умный человек не должен отказываться от власти; только испорченный нравственно способен отказаться от обязанности помочь нуждающимся, так же как низко уступать свое место дурным людям: глупо желать дурную власть, нежели управлять хорошо самому.

* * *

Первый долг вождя – никого не презирать, не гордиться, но всеми повелевать одинаково.

* * *

Если философ упадет под бременем, то он быстро и ловко встанет на ноги, как борец в палестре.^[10]

* * *

Закон природы был, есть и будет один: явления в ней не могут происходить иначе, чем происходят теперь. Переменам, переходам из одного состояния в другое подвергаются не только люди и все остальные живые существа на земле, но и боги. В переменах, переходах из одного состояния в другое принимают участие даже четыре стихии: земля превращается в воду, вода – в воздух, последний в свою очередь делается эфиром. Превращение совершается в одном порядке: нижнее становится верхним (теория Гераклита). Кто старается вникнуть в это и прийти к убеждению, что необходимо подчиняться законам природы, тот проживет свой век в мире и тишине.

* * *

Кто недоволен настоящим своим положением, недоволен тем, что дала ему судьба, тот не знает жизни, но кто мужественно выносит это, здраво смотрит на вещи – поистине умный человек.

* * *

Все служит миру и повинуется ему – и суша, и море, и солнце, и остальные звезды, и растения, и животные. Ему же служит и наше тело; от него зависят наши болезни и здоровье, наша молодость, старость и все случающиеся с нами перемены. Нужно поэтому, чтобы и то, что в нашей власти, – наш разум, не вел с миром одинокой борьбы: душа мира выше, совершеннее нашей. Управляя вместе с остальным и нами, она заботится о нас лучше нас самих. К тому же безумная борьба с нею не будет успешна и не принесет нам ничего, кроме слез и страданий.

* * *

Довольство собою, как короткая и веселая дорога, имеет в себе много приятного и ничего тяжелого.

* * *

Укрепляй в себе чувство довольства своей судьбою: с этим оружием ты непобедим.

* * *

Ничто так не дорого, как правда. Выбор друзей не свободен от увлечений, благодаря чему омрачается, темнеет светлое имя правды.

* * *

Правда бессмертна и вечна. Она не дает постепенно блекнущей красоты, не отнимает права говорить свободно, опираясь на нашу правоту, напротив, дает нам то, что справедливо и законно, отделяя его от несправедливого и обличая последнее.

* * *

Речь смелая, но бессвязная – что тупой меч.

* * *

Природа дала людям один язык и два уха, чтобы мы больше слушали других, нежели говорили сами.

* * *

В природе нет ничего на самом деле приятного или неприятного – все дело привычки.

* * *

Избирай себе лучшую жизнь – привычка сделает тебе ее приятною.

* * *

Старайся оставить после себя детей лучше образованных, нежели богатых: надежды образованных завиднее богатых невежд.

* * *

Дочь не принадлежит отцу.

* * *

Лучше завещать детям незапятнанное имя, нежели богатство.

* * *

Строгость отца – прекрасное лекарство: в нем больше сладкого, нежели горького.

* * *

В горе нужно призывать на помощь рассудок, как хорошего врача.

* * *

Воспитание, как и золото, дорого ценят везде.

* * *

Кто погружен в занятия философией, занимается познанием бытия Бога.

* * *

Из всех творений самое прекрасное – получивший прекрасное воспитание человек.

* * *

Избегай дружбы дурных людей и вражды хороших. В несчастьи познается друг и изобличается враг.

* * *

Присутствующим друзьям делай добро, отсутствующих – поминай добрым словом.

* * *

Кто никого не любит, пусть знает, что и он не пользуется ничьей любовью.

* * *

Врачом своим и другом выбирай не тех, с кем приятно проводить время, а тех, кто может принести тебе больше пользы.

* * *

Если хочешь жить, не зная печали, считай будущее прошедшим.

* * *

Будь чужд страстей, но не тем, что будешь бесчувствен как глупое животное, или беспечен, как глупцы, нет, ищи утешения в горе, как человек, следующий правилам добродетели, – в своем разуме.^{[\[11\]](#)}

* * *

На чью душу всего менее действует горе, кто борется с ним, не жалея сил, – самый мужественный как из государственных людей, так и из частных граждан.

* * *

Глупец, испытавший, что значит счастье, делается, словно от вина, еще глупее.

* * *

Зависть – враг счастливых.

* * *

Помни, что такое человек, и будешь равнодушен ко всему происходящему.

* * *

Для благополучного плавания нужен хороший кормчий и попутный ветер;
чтобы быть счастливым – ум и умение.

* * *

Счастье, как осенние плоды, следует срывать вовремя.

* * *

Глуп тот, кто недоволен тем, что происходит по законам природы.

* * *

По воле Бога некоторые вещи – в нашей власти, другие – нет. Нам Он дал лучшее, прекраснейшее, благодаря чему Он сам блажен, – чувственное познание. Если им пользоваться разумно, оно принесет нам свободу, счастье, радость, твердость духа; оно же соединяет в себе понятие о справедливости, законе и умеренности, вообще о всякой добродетели. Над всем остальным Бог не дал нам власти. Мы должны поэтому слушаться Бога и, зная, что кому принадлежит, всеми силами стремиться к тому, что в нашей власти, то же, что не зависит от нас, предоставлять на волю Провидения и, если от нас отнимут наших детей, лишат родины или жизни, – переносить все с веселым сердцем.

* * *

Когда один молодой хвастун говорил в театре, что он умен, потому что беседовал со многими философами, Эпиктет заметил ему: «Вот и у меня много знакомых богачей, а все же я не богач!»

* * *

Он же говорил: «Не следует человеку с философскими взглядами на вещи говорить среди невежд, как трезвому – в кругу пьяных».

* * *

Когда Эпиктета спросили: «Какой человек богат?» – он отвечал: «Довольный собой».

* * *

Когда Ксантиппа упрекнула своего мужа Сократа за то, что он бедно принимает своих друзей, он сказал: «Если они любят нас, они не обратят на это внимания; если не расположены к нам, нам не следует заботиться о них».

* * *

Царь Македонский Архелай приглашал Сократа к своему двору, чтобы дать ему возможность жить богато; но тот велел передать ему, что в Афинах на обол^[12] можно купить четыре хеника^[13] муки, что же касается воды, то ее там вдоволь. «Если моих средств, – говорил Сократ, – мало для меня, но я лично – по ним, следовательно, и они – по мне. Разве ты не замечаешь, что роль Эдипа-царя актер Пол^[14] играл ничуть не более громким или приятным голосом, чем роль Эдипа-изгнанника и нищего на холме Колона?^[15] А разве философ должен быть хуже Пола и играть верно не каждую роль, назначенную ему Богом? Не следует ли ему брать пример с Одиссея, который и в рубище держал себя несколько не ниже, чем в пышной царской порфире?»

* * *

Не все ли равно для меня, из атомов или гомеомеров, из огня ли или из земли состоит материя вселенной? Не довольно ли знать сущность добра и зла, меру любви и ненависти, влечения и отвращения и, пользуясь этим как мерилом, устроить свою жизнь?.. Значит, не следует углубляться в решение вопросов выше нашего ума? Некоторые из них едва ли поддаются решению их человеческим умом; но если бы даже кто-нибудь и постиг их вполне, что выиграл бы он из того, что разгадал их? Нельзя ли поэтому сказать, что те, кто смотрит на это как на необходимую пищу философскому уму, занимаются пустяками? С другой стороны, заслуживает ли внимания и совет дельфийского оракула: познай самого себя? Заслуживает. В чем его смысл? Если бы плясуну в хоре посоветовали углубиться в себя, разве он обратил бы внимание на этот совет?^[16]

* * *

Что такое человек? Душонка с телом – ходячим трупом.

* * *

Эпиктет советовал находить способ соглашаться со всем и вместе с тем умерять свои страсти, делать из них выбор, стараться, чтобы они не принесли обществу вреда, нигде не ронять, благодаря им, своего достоинства, всегда сдерживать свои желания и не чувствовать любви ни к чему, что не в нашей власти. Здесь вопрос не о пустяках, а о том, быть ли нам умными или нет.

* * *

Философ Эпиктет говаривал, как я слышал от Фаворина^[17], что большинство «философствующих» – философы на словах, а не на деле. Еще резче выражается он у Арриана в сочинении последнего, «Рассуждениях Эпиктета». Однажды он

увидел человека наглого, грубого, развратного, дерзкого, острого на язык, заботившегося обо всем, кроме своего нравственного совершенствования. Когда он узнал, что этот же человек занимается философией, изучает физику, берет уроки диалектики, вообще любит и интересуется многими подобного рода науками, он призвал в свидетели богов и людей и стал громко укорять его: «Глупец, куда кладешь ты это? Посмотри сначала, чиста ли твоя посуда: если ты кладешь философию в глупые мечтания, она пропадет и, когда сгниет, превратится в едкую мочу или во что-нибудь еще худшее...» Сказано действительно резко, но вполне справедливо. Гениальный философ хотел сказать этим, что, если науку и философию влить в негодя, испорченного нравственно человека, как бы в грязную немытую посуду, – они испортятся, станут гнить и превратятся в мочу или в то, что еще хуже мочи. Тот же Эпиктет, как мне передавал также Фаворин, говорил, что нет ничего гнуснее и хуже двух пороков – нетерпеливости и невоздержности, когда мы не остаемся равнодушны к обидам, которые нам следовало терпеть, или не воздерживаемся от вещей и страстей, от которых должно воздерживаться. Кто запечатлел в своем сердце два эти слова и будет помнить их, чтобы управлять и владеть собою, – тот редко впадает в ошибку и проживет вполне счастливо. Эти два слова: терпение и воздержание.

* * *

...Стоик вынул из своего узелка пятую книгу «Рассуждений» философа Эпиктета, приведенных в порядок Аррианом и содержащих в себе учение, сходное с учением Зенона и Хрисиппа^[18]. В этом сочинении, написанном, конечно, на греческом, мы читаем: умственные представления – «фантазмы» философов, которые душа воспринимает тотчас же при первом взгляде на вещи, зависят не от нашей воли, не произвольны, – они как бы насильно врываются в человеческий ум. Но согласие разума с восприятием, вследствие чего мы познаем, получаем понятие об умственных представлениях, – в нашей воле, как вследствие свободной деятельности человеческого ума. Поэтому, когда раздастся какой-нибудь страшный звук или с неба, или от падения чего-либо или приходит неожиданное внезапное известие о какой-либо опасности, наконец, что-нибудь в подобном роде, – оно непременно заставляет дрожать, пугаться, бояться немного и душу философа – не потому, что она видит в этом явлении что-либо ужасное, но под влиянием быстрых, безотчетных душевных движений, опережающих суждение ума и рассудка. Но затем философ не воспринимает душою этих пугающих умственных представлений, напротив, не соглашается с ними, отрицает их, не видит в них ничего страшного для себя. Поэтому, говорят, разница между глупцом и умным – в том, что кажущееся глупцу под влиянием первого впечатления страшным и неприятным продолжает казаться тем же. Составив себе понятие о нем как о действительно страшном, он соглашается с этим и своим разумом, тогда как умный, изменившись ненадолго, на короткое время в наружности, в лице, не подчиняет разум восприятию, не меняет своего убеждения, по-прежнему держится того же мнения, которое всегда имел об этого рода явлениях, т. е. считает их несколько не страшными и пугающими только своею обманчивою внешностью и пустым страхом. Это

мнение, заимствованное из изучения стоиков, нашло себе последователя в философе Эпиктете, как мы видели из той книги, о которой упоминали выше.

* * *

Когда речь идет о пользе животных и спрашивают наше мнение, можно поступать и не всегда согласно с чувством разума.

Перевод В. Алексеева

Комментарии

Эпиктет (ок. 50 – ок. 140 гг. н. э.) родился рабом во Фригийском городе Гиераполисе. Имя Эпиктет – это рабская кличка, означающая «прикупленный». Известно, что в Риме Эпиктет изучал философию под руководством Эврата и стоика Музония Руфа. Когда и кем был освобожден Эпиктет, неизвестно, но в 94 г. он, будучи уже вольноотпущенником, вместе с другими философами был выслан из Рима по приказу императора Домициана. Эпиктет удалился в Эпир и здесь в городе Никополисе открыл собственную философскую школу. Умер Эпиктет в глубокой старости, успев завоевать и громкую славу, и покровительство императора Адриана, но не изменив своим стоическим убеждениям и киническому образу жизни.

После Эпиктета остались его «Беседы», записанные Аррианом (в восьми книгах, из которых до нас дошло лишь четыре), и «Руководство», от которого уцелели лишь фрагменты (благодаря «Комментарию на Руководство Эпиктета» Симпликия). Афоризмы Эпиктета сохранились в сочинениях Марка Аврелия, Максима Тирского, в «Цветнике» греческого писателя V в. Иоанна Стобейского. Некоторые сведения о нем сообщают Авл Геллий, Лукиан, Ориген. Последний, в частности, пишет, что в его время христиане очень усердно занимались изучением Эпиктета. Несколько раз его сочувственно цитирует Августин.

В настоящем издании публикуется перевод «Бесед» Эпиктета, выполненный Владимиром Григорьевичем Чертковым, близким другом и единомышленником Л. Н. Толстого. В письме к нему в декабре 1888 г. Чертков писал: «Посылаю вам, дорогой Л[ев] Н[иколаевич], только что оконченного мною Эпиктета – еще не переписанного набело, на случай каких-либо ваших поправок или отметок. Над этой книжкой я много поработал; прерывал работу и снова брался за нее по несколько раз; не знаю только, насколько вышло успешно». Толстой ответил: «Вчера получил и вчера поздно вечером кончил Эпиктета. Превосходно! Очень, очень хорошо. Я знаю его и все-таки много вынес из вчерашнего чтения». Книга была издана в 1904 г. под названием «В чем наше благо?».

«Афоризмы» Эпиктета публикуются в переводе филолога-классика Василия Алексеевича Алексеева (1863–1919).

В. Алексеев